

АЛИНА РОЗАНОВА

ЛУЧШЕ УБЕЙ

Я СЧИТАЛА, ЧТО ХУЖЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ,
НО В МОЕЙ ЖИЗНИ ПОЯВИЛСЯ ОН.

18+

Алина Розанова

Лучше убей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64306047

SelfPub; 2021

Аннотация

Я никогда не ощущала себя несчастной и имела все: работу, деньги, дом, любящую мать и даже мужчину. Но когда тот оставил меня, почудилось, что потеряла все. Тогда я считала, что хуже быть не может, но в моей жизни появился ОН. Он носит маску, чтобы я не видела его лица, может сделать со мной все, что ему вздумается, и я не могу противостоять этому, как ни пытаюсь. Только за всем этим кроется куда большее, чем я могла себе представить. И когда правда по крупицам всплывает наружу, мой мир переворачивается с ног на голову, а мужчина в маске уже не кажется таким устрашающим.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	52
Глава 4	73
Глава 5	92
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Алина Розанова

Лучше убей

Пролог

Я видела его холодный и отчасти отрешенный взгляд даже в темноте, несмотря на лицо, которое он надевал каждый раз, приходя ко мне, – маску ужасного чудовища. Сначала я пыталась понять, кто может за ней скрываться, но со временем искра интереса угасла. Сейчас меня совершенно не волновала персона, что пряталась за личиной монстра. Я лишь молилась, чтобы все прекратилось. Слезы уже давно кончились – я просто не могла плакать. Голос сел, из-за чего я больше не кричала – меня все равно никто не услышит.

В первые дни я надеялась на спасение или на то, что похититель сжалится надо мной, но с каждой секундой лишь убеждалась в обратном.

Никто не придет за мной. Никто не вызволит из ловушки. А человек в черном никогда меня не отпустит. Он будет стоять рядом, потом обойдет по кругу. Его горячее дыхание обожжет ухо... Он что-то прошепчет, нагоняя ужас, вызывая новый приступ плача. А единственная мысль, что будет в моей голове «только бы он не удурил меня».

Потом он уйдет, оставив меня одну.

Сколько я уже не спала? День? Два? Неделю? Я даже не знала, как много времени прошло с момента, как попала в лапы похитителя. Мое существование тянулось бесконечно долго. Я не видела дневного света, часов в комнате тоже не было.

Как же я устала. Так хотелось, чтобы все закончилось.

Открылась дверь, и узкая полоска света от лампы, находящейся где-то за гранью видимости, упала на пол. Я сощурилась, смаргивая выступившие на глазах слезы, но лишь до тех пор, пока в проеме не возникла тень. По коже побежали мурашки.

Человек в черном прошел мимо, придвинул ко мне стул и сел на него. Маска оказалась прямо напротив меня. Я опустила взгляд, не желая смотреть на мужчину.

– Если ты не ответишь на мои вопросы, я убью твою мать. – У него вышло привлечь мое внимание. До этого он не угрожал – лишь запугивал, чтобы я стала податливее. – Итак, скажи, что ты знаешь о своем отце?

Глава 1

– Ма-а-ам, – протянула я, залетая в коридор. Дверь за мной захлопнулась, я же бросила на пол сумку и наспех стащила с себя грязные сапоги. – Мама!

– Что случилось, дорогая? – послышалось с кухни, и я тут же туда рванула.

– У меня новости. Ты не поверишь!

Я вмиг очутилась рядом с плитой, на которой закипала вода для супа, и затрясла папкой с документами перед лицом матери.

– Что это? – как ни в чем не бывало протянула мама.

Она взяла из моих рук папку и раскрыла ее. Медленно просмотрела документы. Выражение ее лица сменилось моментально. Брови приподнялись, а затем губы растянулись в обворожительной улыбке.

– Неужели?! Повысили?

– Да! Я сама не могу в это поверить просто! Андрей будет в шоке. Я уже представляю его лицо, когда выложу перед ним свой новый пропуск.

– Жнецова Владислава Николаевна, старший следователь, – прочла вслух мама. – Прямо как твой отец. Ты у меня такая умница!

– Ты же знаешь, что без твоей поддержки у меня бы ни-

чего не вышло.

– А Андрей твой пусть теперь молчит и не выскакивает из-под своего ноутбука. Только и может, как причитать, что работа у тебя плохая, что не ценят тебя. Что профессия, мол, не женская.

– Он просто ничего не понимает, – прокричала уже из коридора, поднимая с пола сумку, в которой принесла недостающие продукты для супа. По пути с работы заскочила в магазин и купила то, что забыла взять мама.

Вернулась на кухню, чтобы все выложить.

– Его бухгалтерия совсем замучила, только о ней и думает, да говорит, что не должен таким заниматься. Жалеет, что в свое время родителей послушал и отучился не там, где мечтал. Он же хотел журналистом быть, а тут не срослось. Вот Excel его и достал. – Я сделала глубокий вдох и водрузила банку фасоли на столешницу.

– Надо было своей головой думать. Ты, вон, меня не послушала и теперь работаешь там, где всегда и хотела. Я все поражаюсь твоей целеустремленности. Двадцать шесть лет – а уже старший следователь.

– У меня был отличный пример.

– Отец бы гордился тобой, дорогая. – Мама отложила в сторону ложку и подошла ко мне, чтобы обнять. В нос ударил запах шалфея и лимона – именно так пах мамин шампунь, которым она пользовалась уже очень много лет.

– Я скучаю по нему.

– И я, дорогая. Я тоже.

Возникла тишина и, казалось, что радость покинула помещение. Мы обе поникли, вспоминая о моем отце – замечательном человеке, раскрывшем множество дел. Он, как и я, был старшим следователем отдела по расследованию особо тяжких преступлений. Правда, стал он им около тридцати пяти лет, хотя очень долго к этому шел. Его до сих пор ставят в пример начинающим сотрудникам полиции. Может потому, разглядев во мне – его дочери, – потенциал, у начальства не осталось вопросов о том, кого назначить на освободившееся место. Сама же я работаю в органах с третьего курса. Начинала помощницей инспектора в отделе кадров, после окончания ВУЗа была назначена помощницей следователя, но занималась, в основном, документацией. Затем, по случайному стечению обстоятельств, стала свидетелем преступления, после чего самостоятельно смогла расследовать его. Тогда-то я и получила должность следователя, которым проработала по итогу три года.

Неделю назад теперь уже бывшего старшего следователя повысили, и необходимо было назначить нового. На место претендовали многие. Люди куда опытнее меня. Только раскрываемость дел у них за последние пять лет была ниже. Нет, я совсем не хвастаюсь, просто повезло чуть больше. В итоге, главными кандидатами стали я и мой коллега Шурик. Сашке тридцать два, у него жена и двое детей. Ему эта должность была важнее, чем мне, но в последний момент он соскочил.

В семье что-то произошло, из-за чего ему в срочном порядке потребовался неоплачиваемый отпуск.

Наше начальство ценит сотрудников, для которых работа куда важнее личной жизни. А я, несмотря на то, что в этой самой жизни у меня пока что было все хорошо, почти все свое время посвящала работе. Приходилось выезжать на вызовы по ночам, не появляться дома сутками, но раскрытые дела того стоили. Мне слишком нравилось то, чем я занимаюсь. Может, мы и не спасали людей, зато приоткрывали завесу правды, после чего виновные получали по заслугам.

«Я тебя иногда побаиваюсь» – как-то заявил мне Андрей, когда я сидела в гостиной за столом, на котором разложила снимки с места преступления. Ему было сложно понять, как я с непринужденным видом разглядываю фотографии, на которых изображены изувеченные тела. Я лишь улыбалась в ответ и повторяла, что бояться нечего. Нужно всего-то беспокоиться о том, чтобы подозреваемый не совершил подобное вновь, поэтому стоит поскорее поймать его.

– Сейчас тебе будет гораздо сложнее. Ответственности больше, – перебила мои размышления мама, разжимая объятия, после чего открыла банку фасоли и высыпала содержимое в кастрюлю.

– Не страшно. Я справлюсь. Папа смог, и я смогу.

Я закрыла сумку, повесила ее на плечо и повернулась в сторону выхода.

– Пойду я, мам. Надо еще в кафе заскочить, взять чего на

ужин нам с Андреем.

– Совсем нормальную еду не ешь. Осталась бы сейчас, да тарелку супа проглотила, – стала причитать мама.

Седая прядь упала на лоб, и пухлые чуть обескровленные губы вытянулись в трубочку, чтобы сдуть ее. Серые глаза с прищуром уставились на меня.

– Все нормально. Тем более не оставлять же Андрея без еды.

– Ладно. Забегай, как будет время.

– Конечно. – Я улыбнулась и выскочила в коридор. Обулась, открыла дверь и перед тем, как покинуть квартиру крикнула: – Люблю тебя, мам.

– И я тебя.

Как бы мне не нравилось дома у мамы, у себя было куда лучше. Квартирку я полностью обустроила по собственному желанию. Мое маленькое уютное гнездышко, в котором мы с Андреем жили вдвоем.

Я натянула на лицо шарф и, придерживая его, шагнула на улицу. Ветер ударил в лицо, заставив прищуриться. Ну и погода сегодня... Почти что по-зимнему холодно. Даже пахло будто бы снегом. Или мне так казалось. Я не ждала наступления самого промозглого времени года – больше предпочитала лето. Да и родилась я в июле. Потому лишь про себя ругалась, вышагивая по немногочисленной улице.

Сейчас не так поздно, но народа действительно почти не было. Наверное, сегодня люди предпочли отправиться до-

мой на общественном транспорте или такси. И почему я не поступила так же? В какой-то момент, замерзнув, вышла к проезжей части, высматривая такси. Увидела приближающуюся машину с шашечками и вытянула вперед руку, надеясь, что такси окажется свободным. Мне повезло. Желтый «лимузин» медленно перестроился на крайнюю полосу и плавно остановился у обочины. Я запрыгнула на пассажирское сидение.

– Мне, пожалуйста, в кафе «Суши-пицца» на Советской, а после на Советскую 68.

Водитель, кивнув, выключил аварийку и тронулся.

Через тридцать минут, притащив с собой заказанные мною заранее суши, я вошла домой. Андрей меня не встретил, но я ясно различила в тишине клацанье пальцев по клавиатуре.

Снова заполняет таблицу...

– Я дома, – прокричала с порога и услышала тихое «угу» в ответ. – Кушать будешь? Я привезла твои любимые суши.

– Спасибо, я поел уже.

– Мог бы и раньше сказать, – обиженно вздохнула я, поставив пакет на тумбочку. – Я бы тогда у мамы дома поела.

– Извини, был занят.

Я стянула верхнюю одежду и прошла в гостиную, освещенную лишь монитором. Как он вообще что-то видит в крошечной темноте?

– Я специально поставила для тебя настольную лам-

пу. – Склонившись над Андреем, я щелкнула выключателем. Лампочка загорелась, осветив стол.

Я приобняла мужчину за плечи и прижалась носом к горячей коже. Венка на шее равномерно пульсировала. Поцеловала, нежно припав губами.

– Не сейчас, Влада. Я занят.

– Хорошо.

Не стану трогать его. Стоит поужинать, пусть и в одиночестве.

Вернулась в коридор, прихватила пакет и двинула на кухню, где распаковала его. Благо, я взяла не слишком много, но что-то все-таки придется выбросить, потому как ни я, ни Андрей завтрашние суши есть не будем. На завтрак у меня хлопья с молоком и кофе, приготовленный кофе-машиной, которую я подарила себе на прошлый Новый год.

– У меня новости, – снова чуть громче обычного сказала я, наливая соевый соус в небольшое блюдо. – Меня повысили, и теперь я старший следователь.

– Будешь еще реже появляться дома? – В голосе Андрея отчетливо слышалось недовольство.

– Ты бы хоть порадовался.

– Ты дома сутками не бываешь – чему радоваться?

– Ты знал, что так будет, когда мы с тобой съехались.

Он сказал что-то еще, но я предпочла оставить разговоры на потом. Не хотелось прямо сейчас выяснять отношения. Но это уже порядком надоело. Вечно он недоволен тем, чем

я занимаюсь. То зарплата маленькая, то времени я ему мало уделяю, то дома редко появляюсь. Все не нравится. Если я буду сидеть дома, готовить ему борщи и наводить порядок, тоже скажет, что я лентяйка и сижу у него на шее. А сам же будет продолжать заниматься своей бухгалтерией, которую ненавидит всей душой.

Я опустила на мягкий стул около окна и включила небольшой настенный телевизор, чтобы не находиться в темноте. Но стоило мне лишь положить в рот первый ролл, как зазвонил мой мобильный. Чертыхнувшись, отложила палочки и двинулась в коридор к сумке, в которой оставила телефон. Звонил начальник. Значит, на работе снова что-то произошло и требуется мое непосредственное участие в деле.

– Да, – ответила, прожевывая, из-за чего голос вышел неразборчивым.

– Влада, у нас новое убийство. Надо осмотреть место и допросить свидетелей.

– Подозреваемые есть?

– Там есть камеры, но не уверен, что они работали. Их могли запросто выключить. Впрочем, это тебе и предстоит выяснить. Оправдай мои ожидания. – Я так и видела, как мой толстопузый начальник сидит за своим столом с кружкой кофе в руках, а его усы подергиваются от удовольствия, когда мужчина откусывает очередной кусок вишневого пирога.

– Жду адрес смс-кой и выезжаю. Чую, скоро придется купить машину с такими ночными вылазками, – недовольно

ответила, понимая, что снова надо вызывать такси.

– Отключаюсь.

Следом пришло смс с названием места, куда мне нужно прибыть. Я нервно выругалась, осознав, что ехать надо на окраину города, в жилой микрорайон. Вызвала такси, взяла документы, чтобы меня пропустили на место преступления, и выскочила из дома. Надеюсь, Андрей не устроит мне скандал по возвращении.

В машине такси я уснула – слишком вымоталась за день. Сегодня было заседание, в ходе которого подозреваемый получил заслуженный срок. Мне также пришлось участвовать в процессе, чтобы доказать его вину. Помню, как он с насмешкой наблюдал за мной, будто бы не веря, что такая молодая девушка, как я, может занимать подобную должность. Правда, когда приговор озвучили, язвительная гримаса с его лица мигом исчезла, а в глазах появился самый настоящий ужас. Тогда пришла моя очередь улыбаться.

Через час я прибыла на место. Вокруг толпились люди, их сдерживали лишь полицейские, окружившие труп.

– Пожалуйста, разойдитесь. Тут могут быть улики, которые вы уничтожите, – прокричал один из парней в форме.

Молоденький, высокий, словно столб и такой же худой, с прищуренными от усталости карими глазами, вытянутым носом с горбинкой и тонкой полосой губ. Он показательно схватился за бок, на котором висело оружие, и сделал наступательный шаг вперед. Видно, что только недавно устроился

на работу.

Я подошла к нему и положила руку на плечо.

– Это бесполезно. Они не послушают тебя. Твое дело следить, чтобы они не проникли за ограду. Все остальное не важно.

Сама же переступила через ленту и подошла к двум парням, осматривающим тело.

– Что уже успели узнать? – поинтересовалась, присаживаясь к ним, ближе к телу, освещенному уличными фонарями.

Губы трупа уже побелели, во лбу зияла некогда кровоточащая рана. Все лицо залито кровью. Взгляд бесчувственно устремился перед собой. Зрачки расширены. Пульса нет и подавно – даже проверять смысла не было.

Я приподняла простынь, которой уже успели накрыть тело, кроме головы, и заглянула. Одежда целая – других ран не видно.

– Мужчина тридцати-тридцати пяти лет. Личность не установлена, потому как документов при себе не имелось. Как и кошелька. Похоже на ограбление. В ходе нападения застрелен в голову. Шансов выжить у него не было.

– Свидетели?

– Есть двое. Стрелявшего не видели. Они слышали выстрел, а после примчались к месту. Один из них вызвал скорую, другой полицию, – быстро ответил Костя, мой бывший напарник, жестом руки указывая на парня и девушку, стоящих чуть в стороне.

– Не думаю, что это ограбление, – сказала я скорее себе.

– Да как нет? Кошелька нет...

– Это ничего не значит. Возможно, кошелька и не было у мужчины вовсе, а, может, все подстроено как рядовое ограбление. Советую осмотреть ближайшие мусорки. Обычно при ограблении в голову не стреляют. В подобных случаях используются иные средства, такие как нож. А даже если бы грабитель и был с пистолетом, явно направил бы его не в голову, а в живот или грудь, чтобы было легче отступить. В нашем же случае мужчина убит в голову. Посмотри на отверстие. Нападавший находился прямо перед ним. Разве стал бы человек стоять истуканом, ожидая своей смерти? Не легче ли уклониться? Да и для чего убивать человека, если тебе просто нужны его деньги? Ведь, на самом деле, редко кто обращается в полицию из-за того, что у них украли кошелек. А оставлять на месте преступления тело – слишком явная улика. И преступление в таком случае становится куда тяжелее.

– Тогда что это может быть? – Костя убрал руки от тела и уставился на меня. Желваки на его лице подергивались, а губы вытянулись. Мужчина облизнул их и шмыгнул широким носом. Приболел, наверное, бедняжка.

– Думаю, это могла быть банальная месть. Впрочем, вариантов слишком много. Но в том, что убийца и жертва были знакомы, я почти что уверена. Нам надо поискать и иные улики. – закончила свой монолог я. Надо еще будет составить протокол. – Допрос свидетелей уже закончен? Они не

могли быть причастны?

– Не думаю. После того, как свидетели вызвали полицию, к ним прибавился народ. Значит, место преступления парочка не покидала. А при обыске оружия найдено не было.

– В таком случае стоит установить время смерти жертвы и сопоставить со временем вызова полиции. Тогда станет ясно, являются ли они подозреваемыми. Но им ничего говорить не стоит. Вдруг спугнем. – Я натянула простынь обратно на мужчину и поднялась на ноги, за мной встал Костя и поправил шарф. Я инстинктивно сделала то же самое.

На улице и правда было очень холодно. Я медленно обвела взглядом зевак. Несколько человек стояли с телефонами и пытались заснять место преступления.

Чего людей вечно тянет к подобному? Вот им прямо крайне необходимо прийти и сфотографировать или снять на видео какое-нибудь происшествие! Причем необходимо, чтобы и тело было видно. Потом фотографии поплывут по сети с обязательными комментариями местных жителей, а их теории о произошедшем будут одна мрачнее другой. Двадцать первый век, чтоб его.

– Кстати, – вдруг сказал Костя, – поздравляю с повышением. Никогда бы не подумал, что старшим следователем станет столь юная особа. Тебе повезло.

– Да, – улыбнулась в ответ, – повезло с генами.

Костя тут же потупил взгляд. Я прекрасно поняла, что именно он имел в виду, но решила пресечь его мысль на кор-

ню. Терпеть не могу, когда мне начинают приписывать успехи лишь потому, что я – дочь своего отца. Им кажется, что я успешна в работе из-за того, что ношу его фамилию, но почему-то никто не думает о том, сколько сложных дел я раскрыла. И скольких смогла засадить за решетку или спасти от ложных обвинений.

Среди перешептывающихся друг меж другом людей, держащих в руках телефоны или сумки и громко ахающих, я разглядела человека, стоящего поодаль. Он глубоко натянул на голову черный капюшон и просто наблюдал за происходящим, но не как все. Он смотрел именно на меня. Я кожей чувствовала его взгляд.

Это может быть подозреваемый.

– Кость, я вернусь через минуту. Пусть пока тело загрузят в машину скорой. И ждите меня, – сказала чуть слышно.

Мужчина кивнул мне в ответ, а я же, не отводя взгляда от человека в черном, двинулась сквозь толпу ему навстречу. Кто-то громко крикнул мне вслед что-то грубое, когда я его задела, из-за чего пришлось на мгновение отвлечься. А спустя мгновение, стоило моему взору вернуться туда, где находился подозрительный человек, его там уже не было.

Я приехала домой лишь под утро. Сил не осталось совершенно, но составление протокола никто не отменял. Я открыла ноутбук, чтобы завершить работу. Теперь у меня имелись показания свидетелей, а также была установлена личность погибшего. Мужчина работал в мастерской по изго-

товлению ключей и ремонту замков. Разведен, есть сын, который с ним не живет. Бывшая жена в данный момент снова замужем, родила еще одного ребенка. В браке счастлива, с бывшим мужем не общалась. Сын также отношений с отцом не поддерживал. Погибший любил выпить, вечерами записал в пивном баре, после чего направлялся домой. Сегодня он шел как раз оттуда.

Судя по показаниям, все произошло быстро. Слышались голоса, после чего прогремел выстрел, унесший жизнь. Подозреваемый с места преступления скрылся – будто под землю провалился, хотя прятаться ему было явно негде. Имелась версия самоубийства, но в таком случае факты не сходятся. Во-первых, голоса. Во-вторых, то, что сделано это было посреди улицы. Зачастую самоубийцы ищут либо уединенные места для того, чтобы покончить собой, либо наоборот – лезут на крышу среди белого дня. В-третьих, никакой самоубийца не сможет выстрелить себе точно в середину лба. В висок – да, на худой конец дуло приставляется к подбородку, но в лоб...

Свидетели – молодая влюбленная пара. У парня оружия при себе не было. Крови на одежде не обнаружено. С девушкой ситуация та же.

Обыск места преступления пока что ни к чему не привел – потому поиск улик продолжался. Меня все не покидала надежда, что мы сможем найти орудие убийства. Конечно, подозреваемый мог унести его с собой, и в таком случае поис-

ки останутся безрезультатными. Единственная камера, снимавшая улицу в этот злополучный вечер, не работала – накануне оборвались провода, заменить которые должны были только на выходных.

Я осмотрела остальных присутствующих на месте преступления, ведь, несмотря на поздний вечер, зевак собралось немало. Чуйка у меня довольно-таки неплохая. Но никто, кроме того странного парня в капюшоне, который скрылся сразу же, как я попыталась к нему приблизиться, моего внимания не привлек. Именно он может оказаться тем, кого мы ищем.

Судмедэксперт уже успел осмотреть тело на наличие иных ранений. Я была права, когда заявила, что их нет. Единственное, в чем нам повезло – частички кожи, обнаруженные под ногтями погибшего. ДНК не принадлежала ему, но кому – мы не знали. И почему она там оказалась – наверняка неизвестно.

Я закончила с протоколом к десяти часам и поняла, что уже надо на работу, хотя я за ночь и глаз не сомкнула. Уже и не подозреваю, как буду перебирать документы. Под моими глазами сейчас, наверное, такие большие мешки, что в них можно картошку таскать.

– Ты только вернулась? – услышала я голос Андрея, вошедшего в гостиную.

Я повернулась прямо в кресле и посмотрела на него. Уставший вид, заспанные глаза. Наверное, спать лег совсем

поздно. Возможно, ждал меня, хотя я уже миллион раз говорила ему не делать этого. Черные волосы растрепаны и торчат в разные стороны, будто наэлектризованные. Он вальяжно потянулся, из-за чего пижамные штаны немного сползли с бедер, обнажив дорожку волос чуть ниже пупка. Мой взгляд медленно пополз выше, осматривая хорошо сложенное, но исхудалое тело.

Надо же, я и не замечала, как сильно Андрей сбросил вес. Неужели он совсем не ест? Говорил же, что ужинал. Или солгал?

Он исподлобья взглянул на меня, потер свой слегка вздернутый нос с небольшой горбинкой и скривил пухлые губы. На одной щеке тут же образовалась ямочка.

– Будешь завтракать? – Я проигнорировала его предыдущий вопрос, ведь он и так знал на него ответ.

– Нет. Совершенно нет желания.

Андрей уже собрался снова оставить меня одну и двинулся в сторону ванной, да вдруг замер.

– Приходи сегодня пораньше.

– У меня много работы, – оправдалась заранее я, зная, что действительно могу поздно вернуться домой.

Развернулась к компьютеру, чтобы сохранить документ и отправить его начальству, затем застучала пальцами по клавиатуре.

– Надеюсь, что ты все-таки сможешь, – отрезал Андрей и ушел.

Я вздохнула. Станный у него тон. Ощущение, что произошло что-то, чего я не заметила. Может, и правда стоит отпроситься с работы пораньше. Заодно смогу выспаться, а то я скоро с ног валиться начну.

По пути на работу я купила кофе, решив, что он поможет мне хотя бы немного взбодриться. Но постоянно накатывающиеся приступы зевоты дали понять, что кофе хоть и бодрит, но не всесилен. Сейчас мне поможет лишь долгий и крепкий сон. Усталость успела накопиться за год непрерывной работы. Я уже и не помню, когда в последний раз проводила время с Андреем. Чтобы мы сходили в кино или кафе. Да даже просто погуляли по улице, как когда-то.

Сейчас наши отношения выглядели так, словно мы уже лет двадцать в браке, успели вырастить детей, которые отправились в самостоятельный путь, и теперь изнываем от скучной и однотипной жизни, в которой больше не существует страсти и любви. Я даже иногда задавалась вопросом: люблю ли Андрея? Но ответ на него всегда был один: конечно, да. Ведь, если бы ответ был отрицательным, разве я все еще жила бы с ним? Беспокоилась бы о нем?

Просто работа совсем затянула меня, отняла частичку моей жизни. Стала важнее, чем что-либо. Но теперь, когда добилась желаемого, разве мне нельзя снова заняться личной жизнью? Я вновь могу быть с Андреем. Готовить ему вкусную еду. А ночью предаваться страсти. Поэтому твердо решила, что сегодня на работе не задержусь. Пока все, что

могла, я выяснила о деле. Вряд ли в ближайшее время найдут что-то, что продвинет расследование дальше.

Но стоило зайти в кабинет начальника, как все изменилось. Он держал в руках мой протокол, внимательно вчитываясь.

– Мне кажется, что-то тут не сходится, – без приветствий заявил он, когда я закрыла за собой дверь и оказалась в кабинете. – Вы точно внимательно осмотрели место преступления?

– До прибытия полиции люди уже успели изрядно испортить местность. Возможно, если там что-то и было, то зеваки это просто уничтожили. Но наши сотрудники все еще ищут улики.

– Того, что у нас есть, недостаточно. Мы не сможем узнать, кто это был. Нужны хотя бы отпечатки с орудия убийства – Мужчина ударил кулаком по столу – да так, что зазвенели стаканы в шкафу у выхода.

– Но у нас имеется ДНК...

– ДНК может и не принадлежать убийце. Возможно, в баре, где он был, завязалась потасовка. Он мог ударить кого-то или задеть ногтями. А убили его совсем по другой причине.

– Но также его мог пристрелить и посетитель бара. – И почему я не отправила никого в этот дурацкий бар? Думала же об этом. Надо сходить туда сегодня и опросить сотрудников. Может, кто видел чего.

– Верно. Ты уже отправила кого-нибудь туда? – словно

прочитав мои мысли, поинтересовался босс.

– Как раз собиралась поехать. Так будет куда быстрее, чем отправлять кого еще. Да и все равно почти все сейчас заняты.

– Хорошо. Сообщи, как узнаешь что-нибудь.

– Конечно, – кивнула и покинула кабинет, чтобы забрать пальто и ехать в нужное место.

Молодец, Влада. Хорошо отпросилась.

Пока я опрашивала в баре сотрудников и смотрела записи с камер, время пролетело незаметно. Я совсем забыла о том, что Андрей просил меня вернуться пораньше, и о том, что хотела спать. Как и бывало обычно, я полностью погрузилась в расследование дела.

Выяснилось, что в тот день погибший действительно находился в баре, но никаких драк или даже ругани не было. Мужчина выпивал в одиночестве в течение полутора часов, в десять вечера ушел. Никто за ним не последовал. Значит, теория о том, что убийца мог быть с ним в данном заведении, отпадала.

Хозяин бара лично знал погибшего и заявил, что у того есть приятель, с которым он раньше приходил. Но в последнее время его дружок не появлялся.

Выяснив все, как мне казалось, необходимое, пришлось вернуться в участок и доложить узнанное начальству, которое задержалось на месте из-за большого количества работы. Смысла отпрашиваться домой я уже не видела совершенно, но с ног валилась буквально. Даже споткнулась на лестнице

и слегка потянула правую ногу. Потому было решено ехать домой.

В квартиру я вошла уже ближе к десяти вечера. Меня встретила внезапная тишина. Свет нигде не горел, стука пальцев по клавиатуре слышно не было. Никто не смотрел телевизор, не ел. Наверное, Андрей сегодня пораньше лег спать. По крайней мере, так я решила. Потому спокойно сняла верхнюю одежду, включила свет в коридоре и гостиной, после чего направилась в сторону спальни. Тихонечко приоткрыла деревянную дверь. Тонкий лучик света упал на пустую кровать.

Андрея не на ней не было.

Стало не на шутку беспокожно. Я обыскала все помещения, но не нашла его. Как и его вещей...

В спешке схватила мобильный, набрала номер, нажала на кнопку вызова. Женский голос сообщил, что телефон недоступен. Позвонила снова в надежде, что Андрей может находиться в метро. Через полчаса еще раз. Но все было тщетно. Как будто он избегал разговора со мной. И позвонить даже некому. С родителями Андрей не общался, а с сестрой прекратил беседы после того, как мы съехались – она жутко не любила меня.

Я вернулась в зал и подошла к компьютерному столу, села в кресло и закрыла глаза. Может, что-то случилось? Но в следующее мгновение заметила лист – прямо там, где стоял компьютер. Развернула его, прочитала, и на глаза наверну-

лись слезы...

«Прости меня, Влада, но я так больше не могу. Я не знаю, где ты пропадаешь, чем занимаешься ночами и с кем видишься. Я терпел первое время, накручивал себя, беспокоился, но ты приходила как ни в чем не бывало и заваливалась спать. Ничего толком не рассказывала. Я стал подозрителен. Даже следил за тобой. Но в какой-то момент просто перестал морочить себе голову. Решил смириться. Многие строят карьеру в твоём возрасте, чтобы в дальнейшем держаться на плаву. Но позже осознал, что тебя устраивает такой темп жизни.

Ты совершенно забыла о том, что у тебя есть я.

Ты забыла о нас.

Сначала я держался за свою любовь к тебе. Видел и твою любовь в твоих глазах. Но потом уже не мог разглядеть ничего. Моя любовь прошла. И я устал. Устал так жить. Устал чувствовать себя домашним питомцем, которого, когда хозяйину надо, приласкают, а в другое мгновение прогонят прочь. Мне двадцать восемь лет, а я выгляжу на все тридцать три! Мне не нужна такая жизнь. Я хочу чувствовать себя живым. А с тобой я себя так не чувствую. Я будто уже умер.

Поэтому я дал тебе последний шанс. Я купил билеты в Воронеж еще неделю назад и наблюдал за тобой. Ждал, что что-нибудь изменится. Хотел поговорить не раз, но тебе не было до этого дела – ведь на носу повышение.

А сегодня утром, когда я увидел тебя уставшую и разби-

тую, понял, что даже не испытываю к тебе жалости. О какой любви тогда может идти речь? Хотел обсудить это с тобой вечером. Возможно, расставить все по своим местам. Может, даже остался бы. Мы бы начали все сначала. Но ты не пришла.

Поэтому сейчас я пишу это письмо в надежде, что ты осознаешь свою ошибку и впредь не совершишь ее с другим. Я не вернусь к тебе. Я начну новую жизнь дома, в Воронеже.

Не звони мне. И не пиши. Я не хочу вспоминать наши совместные годы. Хочу лишь, чтобы они превратились в страшный сон. Поэтому прощай. Надеюсь, мы больше никогда с тобой не встретимся. Желаю тебе удачи в твоей карьере. Ведь она для тебя куда важнее».

Последние слова я прочитала уже захлебываясь слезами. Во рту ощущалась неприятная горечь. Плечи содрогались из-за громких всхлипов. Воздуха в легких не хватало. Они горели. Я завывала, будто одинокий волк. Упала на колени – да так, что послышался хруст в суставах. Сжала письмо в руках, затем уронила их на пол и вскинула голову к потолку.

Он ушел. Он бросил меня, оставив одну. Поступил как баба! Об этом говорил не только его поступок, но и слова! Он собственноручно выбросил нашу любовь и обвинил меня в этом! Предал меня!

Не выдержал...

Я только сегодня думала о том, что заработалась. Что стоит больше времени уделять своей личной жизни. Хотела из-

менить все к лучшему. Восстановить отношения.

Но Андрей не выдержал. Ему все казалось пыткой. Он не пытался что-то делать все эти годы. Он просто молчал, вынашивал в себе, даже не пробуя поговорить. А когда накопилось, созрело, да только я, слепая, не видела ничего. Я действительно погрязла в работе, гналась за мечтой, которую только-только осуществила. Я старалась во имя светлого будущего... Старалась ради нас.

Или же он прав? Или я действительно ослепла?

Может, мои старания были эгоистичными?

Возможно ли это?

Я чувствовала, что в груди вдруг стало так пусто, словно из нее вырвали сердце, а затем растоптали его грязными подошвами. Стерли в порошок, уничтожили.

Но после на смену пустоте и боли пришла ярость. Кровь закипела, в висках застучал пульс. Я разорвала записку на мелкие кусочки и скомкала, после чего швырнула остатки на пол. Подскочила на ноги. Схватила стул, стоявший у компьютерного стола, и запустила его в сервант. От удара разбилось стекло, градом осыпав темно-красный ковер. Я подлетела к серванту, не обращая внимания на осколки, которые врезались в стопы, и скинула с полок все содержимое. Вниз полетели рамки с фотографиями, книги, сувениры, привезенные нами из разных уголков мира, куда мы с Андреем ездили раз в год.

Участь не миновала и мой шкаф в спальне, где висели на-

ряды, надеваемые мной в выходные дни. Я бросила на кровать черное мини-платье, в котором когда-то ходила в клуб с Андреем. После туда же потели синее и красное платья в пол с широкой юбкой. За ними джинсы и несколько футболок, в том числе и те, в которых я спала – их мне отдал Андрей, когда мы стали жить вместе, в моей квартире.

Я разъяренно хватала вещи, пытаюсь понять, ассоциируются ли они с Андреем. И понимая, что да, отбрасывала их в сторону. Так длилось до тех пор, пока на вешалке не осталось одно единственное платье – белое, с маленькими синими цветочками, на бретельках, чуть выше колена.

В нем я была, когда мы впервые поцеловались с Андреем.

Вновь ощутив вкус соленых слез на губах, рванула с платьем в ванную, по пути вытащила спички из сумки, и подожгла чертову вещь. Хотела, чтобы вместе с черным дымом ушла вся моя боль. Но не помогало. Только дышать тяжелее становилось. Пришлось включить душ и погасить огонь. Закашлявшись, вернулась в гостиную и огляделась. Вокруг царил хаос – такой же, как и у меня внутри.

Глава 2

Утро не задалось с самого начала. Сперва я не могла уснуть и плакала, уткнувшись лицом в подушку. Потом спустя час или два мне все-таки удалось оказаться в объятиях Морфея. Пробуждение оказалось сложным. Ноги ватные, голова тяжелая, руки совсем не слушались. Посмотрев на время, тут же осознала, что опаздываю на работу. Поэтому размышлять о произошедшем вчера времени не оставалось. Я ринулась к шкафу, но открыв его, поняла, что выбросила почти все. Было бы куда проще, если бы вещи по-прежнему валялись на полу спальни или же находились в мусорном пакете в коридоре... Но нет. Перед тем, как отправиться в кровать, я все спустила из окна.

Единственное, что все еще висело на плечиках в шкафу – форма МВД, которую в последний раз я надевала полтора года назад. После того, как я стала часто выезжать на вызовы, мне комфортнее было в гражданском. Да никто и не возмущался. Главное – документы всегда при себе.

Выходя из комнаты, я задержалась в дверном проеме и посмотрела на пустую кровать. Выдохнула скопившийся в легких воздух, только легче от этого не стало. Пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы не заплакать. На выходе из квартиры вспомнила, что не умылась. Наскоро забежала в

ванную, почистила зубы. Даже на свое отражение смотреть не хотелось – знала, что именно увижу. И вскоре я уже ехала в такси, всматриваясь в пролетающие мимо строения через мутное стекло.

Кажется, в этом году зима придет раньше. Да и холода уже говорят об этом. На душе стало еще тоскливее. Я всячески отметала мысли о том, что любимый человек оставил меня. Даже маме пока говорить не хотела – начнутся расспросы, осуждение, копание в моей личной жизни, и тогда мне снова будет больно. Пока что боль утихла, и я не очень горела желанием вновь ощутить ее. Лучший вариант – работать. Очень много работать...

Все валилось из рук. Я не могла сконцентрироваться на нужном. Отвлекалась, думала обо всем, кроме работы.

Вот почему, когда необходимо, ничего не выходит? В моей жизни будто началась черная полоса, в конце которой не виднелось белой.

Я и не заметила, как наступило обеденное время. Есть совершенно не хотелось, хотя кофе выпить точно следовало. Я направилась напрямиком в кофейню через дорогу от участка, села за любимый столик у панорамного окна и сделала заказ. Сама же рассматривала улицу и проходящих мимо пешеходов. Кто-то шел один, кто-то в компании. Были и пары, видя которые, я тут же отворачивалась. Странно ненавидеть людей просто за то, что они счастливы. Но именно это чувство я испытывала в данный момент – ненависть. Потому что у

них все хорошо, они любят друг друга, в то время как я оказалась выброшенной на обочину дороги собачонкой. Которая никому не нужна.

Но вдруг стало спокойно, когда пришло осознание того, что в мире я такая явно не одна. И те пары, что прямо сейчас мирно проходили мимо кофейни, могут разбежаться завтра же, когда кто-то из них сделает что-нибудь, что не понравится второму. Да что там завтра! Это может произойти даже через час или пять минут.

Спорный же я все-таки человек... Радоваться тому, что в мире плохо не только тебе – не есть хорошо. А находить в этом успокоение – тем более.

Обхватила дрожащими руками принесенную официантом чашку с кофе, поднесла к губам и отхлебнула. Горячий напиток обжег десны и кончик языка, из-за чего я одернула кружку от себя. Несколько капель кофе упало на деревянный стол.

– Черт, – выругалась, достала из сумки влажную салфетку и вытерла пролитое.

Хорошо, что не на себя – одежды и так не осталось.

Что там помогает при внезапном расставании? Что показывают в фильмах? Смена имиджа? Походы по магазинам? Вдруг поможет... Пусть я не совсем типичная женщина, но прежде всего все-таки баба.

Вернувшись на рабочее место, я, первым делом, отправилась в кабинет начальника, чтобы взять отгул на оставшуюся

часть дня. Работник из меня сейчас все равно никакой. По пути столкнулась с одним из младших офицеров, который нес в руках пластиковый стаканчик, наполненный горячим чаем. Парень врезался прямо в меня, залив всю мою форму приторно сладким напитком. Боли я не ощутила – лишь злость. Я выбила из рук офицера стаканчик, отчего тот улетел на пол, а затем толкнула парня, злобно оскалившись, точно собака.

– Глаза разуй и смотри, куда прешь, дубина! На кого я теперь похожа? – Наверное, в этот момент я придавала слишком большое значение происходящему, но эмоции заглушили разум. Легче было сконцентрироваться на злости или ненависти, чем на чувстве обиды, которое испытывала еще утром.

– Простите, вы так неожиданно вышли из-за угла. Подождите секунду, я схожу за полотенцем, – начал распинаться парень. Мне даже стало немного стыдно за свою реакцию.

– Ладно, – произнесла на выдохе. – Не нужно ничего делать. Просто будь осторожнее.

Зато у меня появилась причина уйти с работы. Грязь мою форму все-таки не миновала.

Я вошла в кабинет начальника без стука. Мужчина стоял у раскрытого настежь окна и курил. Запах табачного дыма тут же ударил в нос. Удивительно, что им не пахло в коридоре.

Закашлялась, привлекая внимание. Начальник в пол-оборота повернулся, пробежался по мне взглядом своих свет-

ло-серых глаз. Сощурился, скривив бледные тонкие губы. Снова затянулся, выпуская дым в сторону улицы. Бежевые шторы покачивались от холодного ветра, да и в целом в помещении было довольно прохладно. Но начальника, кажется, это совсем не беспокоило.

– Пришла отпроситься?

– Да. Произошел инцидент...

– Я давно не видел тебя в рабочей одежде, – почти не слушая меня, сказал он. Голос был тихим, хриплым и каким-то грустным. Не таким, как обычно. Весь задор будто пропал. Словно депрессия нагрянула в гости.

– Были причины надеть ее.

– Как продвигается дело? – Он меня и правда не слушал, пребывая в своем мирке.

– Встало. Следователи опросили родственников погибшего, но ничего толкового пока не удалось выяснить. Слишком чисто для обычного ограбления, как будто все было спланировано.

– Я думаю, данное убийство – банальная случайность.

– В каком смысле? Убийца не намеревался убивать?

– Да. Это я и имею в виду. Возможно, он был знаком с жертвой, но разговор вышел из-под контроля. Поэтому предлагаю задать вопросы не только близким, но и знакомым. Среди них точно есть виновник, – на секунду замолчал, затянувшись вновь, выбросил сигарету в окно и закрыл его. – Оружие нашли?

– Нет. Скорее всего, убийца забрал его с собой. Даже не факт, что избавился. Пистолет, думаю, ни на кого не зарегистрирован – значит, приобретен нелегально.

– Это очевидно. Никто не будет легально приобретать оружие, если собрался кого-то убить, – не отметал шеф ни одной из версий, говоря спорные факты. То случайность, но намерение.

Мои мысли сейчас шли совершенно в ином направлении. О работе я и думать не могла. Весь наш разговор будто бы влетал в одно ухо и вылетал из другого. Хорош старший следователь...

– Я хочу отпроситься до завтра, – сказала, решив не продолжать разговор о деле. Если понадобится, я потом все объясню. Тем более, у меня имелись некоторые мысли насчет происшествия, да только сейчас не было никакой концентрации.

– Иди, раз уж сильно надо. Завтра будь как штык.

– Хорошо. Спасибо, – искренне поблагодарила я и выскочила за дверь.

Теперь надо прикрыть липкое пятно на форме и бежать в магазин одежды. Может, включу в наушниках «Pretty Woman» и почувствую себя героиней фильма... чтобы казаться хоть немного счастливой. А завтра за работу. Нечего хандрить!

Но на следующий день мне стало еще хуже. Я еле открыла глаза, а когда посмотрела на часы, поняла, что опаздываю.

И это без учета того, что еще необходимо добраться до рабочего места. На мобильном было три пропущенных вызова от начальника. Я с содроганием посмотрела на экран и поскорее отложила его в сторону. Кажется, сегодня я вернусь к своей прежней должности...

Ни звонков, ни будильника я не услышала. Чувствовала себя разбитой и опустошенной, да только истинная причина моего самочувствия ускользала. Ну не могло всего лишь какое-то расставание так растоптать меня. Это же бред! Я куда сильнее, чем другие девушки. Нет смысла унывать. Моя жизнь на этом не закончилась... Верно?

Только эти убеждения не могли вновь поставить меня на ноги. Я говорила себе одно, но на самом деле думала совершенно о другом: о пустоте, об испытываемой мною боли, об одиночестве и любви, которую потеряла. Размышляла о том, что жизнь больше не будет прежней. И о том, как ужасно поступил Андрей. Я должна ненавидеть его за подобный способ расставания, но не могла. Я презирала лишь себя за допущенные ошибки. За то, что уделяла мало внимания личной жизни.

Раньше были и отпуска, и прогулки, но последние несколько лет я только и думала, что о работе. И к чему пришла? Новая должность, новое дело, с которым я не состояниии разобраться, хотя это даже не совсем моя обязанность. Сейчас мне нужно было бы следить за другими следователями, но так как рабочей силы в нашем отделении не хватает,

на места преступлений меня все еще просят выезжать. И ко всему прочему разбитое сердце.

Наскоро собравшись, вылетела из дома и тормознула по пути такси. Хоть в чем-то мне повезло. Сегодня я не надела форму, так как вчера приобрела несколько удобных вещей: пару джинсов, два свитера, водолазку, одно платье, юбку и три футболки. Больше на данный момент мне и не надо.

Пока ехала, задумалась, что все-таки стоит рассказать маме о расставании с Андреем. Но не всю правду, чтобы на бывшего не вылился поток грязи, да и чтобы побереечь мамино и так слабое сердце. Но рассказать стоит. Тайное всегда становится явным – это главное правило жизни.

Перед тем, как зайти в здание полиции, я замерла посреди тротуара, переводя дыхание. Знала, что сейчас придется многое выслушать от начальника – он ненавидит, когда что-то идет не так. И это еще одна ошибка, которую я совершила за последнее время.

Огляделась, закрыла глаза, втягивая носом прохладный осенний воздух. Даже, кажется, на секунду ощутила некое подобие спокойствия.

Но его нарушил внезапный толчок – проходящий мимо мужчина задел меня, ударив локтем под дых, из-за чего я согнулась пополам. Не могла даже глоток воздуха сделать. Легкие будто бы отказывались дышать. В груди запекло, слезы брызнули из глаз. Я ощутила, что качнулась. Из-за боли в глазах потемнело. Мне даже показалось, будто бы кто-

то пырнул меня ножом. Но крови я не чувствовала вроде бы. Ноги отказывались держать меня. И я отшатнулась назад, сделав шаг... прямо на проезжую часть. Приземлилась на копчик, а затем и всей спиной ощутила по-осеннему холодный асфальт.

Послышались голоса и крики: наверное, люди увидели меня на дороге. Следующий звук, который идентифицировал мой затуманенный болью мозг – приближающийся шум мотора. Кто-то ехал прямо на меня. Мне даже удалось повернуть голову и немного приоткрыть глаза. Изображение плыло – было мутным из-за слез, – но горящие фары автомобиля я видела отчетливо.

Страшно ли мне? Не знаю. Может, все и должно закончиться именно так?

Но сердце все равно пропустило удар. Подсознательно я не хотела умирать так: беспомощная, на ледяной дороге, но сил и времени встать у меня не имелось. Люди медленно приближались, будто бы в ожидании кровавого зрелища. Никто не собирался мне помочь...

Закрыла глаза, ведя обратный отсчет. Три.

Два...

Один...

Сильные руки подхватили меня, и человек резко бросился в сторону, уваливая от тормозящего автомобиля. Я ощутила, как моя диафрагма сжалась. На секунду открыла глаза, увидев, как черная машина проносится мимо того места, на

котором я лежала всего лишь мгновение назад.

Медленно повернула голову, чтобы рассмотреть лицо моего спасителя с невероятно сильными руками, который держал меня словно пушинку. Его грудь тяжело вздымалась.

Некстати в глазах снова потемнело, и я поняла, что улываю в блаженную темноту обморока. И все, что я смогла увидеть в этой темноте – зеленые глаза моего спасителя.

Как же трещит голова... Будто камнем по ней ударили. Даже казалось, что передо мной в полной темноте мелькают искры.

Медленно разомкнула веки. Свет от лампы резанул по глазам, вынуждая их вновь закрыться. Какое-то время полежала, затем снова предприняла попытку взглянуть на мир. В этот раз все получилось практически безболезненно, и я смогла увидеть, что надо мной склонились двое – бывший напарник Костя и коллега Денис.

– Влад, ты как? Все нормально? – пощелкал пальцами передо мной Костя, испуганно таращась.

– Будет хорошо, когда ты перестанешь мельтешить перед глазами, – выдохнула, приподнимаясь, а затем и вовсе сядься. Я находилась в своем кабинете на кожаном диванчике, что стоял напротив рабочего стола у стены.

– Ну с головой точно все в порядке. Ты – прежнему ты.

– Ага, только она раскалывается, – сказала уже тише и сощурилась. Тяжело вздохнув, приложила прохладную ладонь ко лбу, будто это помогло бы ослабить боль.

– Сейчас, у меня где-то были таблетки, – тут же засуетился Денис и выскочил из кабинета. Пока он отсутствовал, Костя присел рядом со мной, положил руку на плечо и тревожно поинтересовался:

– Ты скажи честно, с тобой что-то случилось? Ты очень странная в последнее время.

– Я не знаю... Дело мутное какое-то. Ничего не ясно. Да еще и Андрей ушел.

– В смысле ушел? – подскакивая на ноги, воскликнул Костя и насупился, уперев руки в бока. – Как можно уйти от такой волевой девушки?

– Эта волевая девушка слишком мало времени уделяла своему не волевому мужику. – Я вроде бы и отшутилась, но все равно казалось, будто говорю правду. Да только все вбить ее в голову никак не могу, постоянно размышляя о том, как виновата.

– Ну и дурак. Значит, ты теперь свободна? – Костя снова плюхнулся на диван. Ноздри хищно раздулись, а в глазах мелькнул игривый огонек.

– О, нет, мой дорогой. Ты же знаешь, что не в моем вкусе. Да и не до отношений мне сейчас, – поспешила откреститься от заигрываний.

– А что мешает отложить это на попозже?

– Думаю, попозже я уже выйду замуж за кого-нибудь. Ну, или заведу сорок кошек.

– Эх, Влада, расстраиваешь. Я со всей душой, а ты...

– Прекрати, и так голова болит. Где там таблетки?

Денис будто бы ждал, когда его позовут, ведь стоило вспомнить об обезболивающем, тут же залетел в комнату и всучил мне пластиковый стаканчик с холодной водой и пару таблеток.

– Держи, – неловко улыбнулся он.

Денис на год младше меня. Сейчас занял мою должность – его повысили после того, как я перешла на новое место. Только осваивается. Ему ничего пока незнакомо, он неуклюж и на данный момент бесполезен. Но глина-то стоящая. И из нее точно слепится нечто уникальное. Я всегда видела в людях истинный потенциал.

В отличие от Кости. Этому уже тридцать два, а он все еще одинокий волк и целых восемь лет как следователь. Повышение его не волнует, потому как переживает, что не сможет расследовать дела, да и что работа станет обычной бумажной волокитой. Правда, сейчас он даже не задумывается о том, что и так приходится много документов заполнять. Но, видимо, это компенсируют поездки на места преступлений и опросы свидетелей с подозреваемыми.

Эх, такого любящего свою работу человека еще поискать надо. По-настоящему втюрился в то, чем занимается. Поэтому еще во время нашей совместной работы я искренне про-

никлась к нему симпатией, и у нас завязалось нечто наподобие дружеских отношений. Иногда он пускал шуточки вроде «давай поженимся», «бросай Андрюху» или «посмотри, какое идеальное сердце – это знак, что нам надо сходить на свидание». Причем последнее было сказано тогда, когда мы осматривали тело. Юморист, блин.

Голову немного отпустило, боль стихла, и я смогла рационально мыслить. Сразу же вспомнилось, почему я сейчас вообще очутилась на диване. И зеленые глаза моего спасителя.

– А что случилось? – спросила вдруг. – Как я в кабинете-то оказалась?

– А тебя парнишка принес. Светленький такой. Высокий. Говорит, ты на дорогу свалилась, а на тебя машина едет. Вот и кинулся спасать. Из кармана куртки пропуск твой выпал, вот парень и понял, что ты здесь работаешь. Принес, рассказал все, да ушел.

– И даже номер не оставил? – Я подняла в удивлении брови.

– А зачем тебе его номер?

– Сказать «спасибо». Я бы умерла сегодня, если бы не он.

– А как вы вообще на дороге оказались? – вклинился в разговор Денис.

– Толкнул кто-то. Задел локтем из-за чего я вывалилась на проезжую часть. Думала, все. Уже с жизнью прощалась, когда фары увидела.

– Хорошо, хоть обошлось. Сейчас все нормально? – при-

гладил мои волосы Костя. На этот раз его руку убирать я не стала. Наверное, подсознательно желала, чтобы кто-нибудь утешил. Слишком многое навалилось на меня.

– Да. Пойдет. Работать надо.

– Тебе отгул дали. Сходи, отлежись, а завтра с новыми силами в бой.

И почему-то это испугало меня ни на шутку. Оставаться наедине со своими мыслями мне совершенно не хотелось. Я находила утешение в работе, полностью отдавалась ей, а сейчас меня этого попросту лишают, даже не спросив.

– Где Эдуард Васильевич?

– Отчалил. Говорит, что нашли...

– Что нашли? – встревожилась я. У меня прямо второе дыхание открылось.

– Да не важно. Ты сейчас не при исполнении. Езжай домой. Тебе это нужно. Завтра увидимся, – улыбнулся Костя, а затем выволок Дениса из кабинета, оставив меня одну.

Я пыталась думать о чем угодно, лишь бы не о наболевшем. Прошла по знакомой улице, заглянула в несколько магазинов, прежде чем вернуться домой. Затем села на диван в гостиной, поджав под себя ноги, и фоном включила телевизор. Что показывали, меня совершенно не волновало. Взгляд переместился на столик, где некогда находился ноут-

бук Андрея. Мысли сами вернулись к исходному – к боли.

Чтобы отвлечься, я решила задуматься об ином: вспомнить времена, когда в моей жизни не было этого мужчины. Я ведь уже влюблялась до него несколько раз. В красавчика школы, который старше меня на пару лет, и в мальчишку из соседнего двора. Первый нравился мне до тех пор, пока не выпустился. Вся школа бегала за ним. И имя у него было необычное – Мартин. Сейчас я почти не помню, как он выглядел, но легкие воспоминания о той подростковой влюбленности почему-то грели душу.

В школе я не блистала ни умом, ни красотой. Друзей было не много, да и те являлись такими же тихонями, как и я. Упорно опускали носы за партой. Старались не пересекаться с остальными детьми в школе. Но могу ли я назвать то время плохим? Не могу. Были свои плюсы и минусы. Да, мне доставалось. Некоторые меня задирали... Но ничего страшного; уверена, что многие прошли через подобное.

А тот парень, Мартин, за три года, что учился со мной в одном учебном заведении, обзавелся множеством знакомых и приятелей. Наверное, каждая девочка пыталась обратить на себя его внимание. Это тот случай, когда парню было все равно на женский пол. Он будто пребывал в своем мире.

Иногда, вышагивая по коридору школы, я ловила на себе его взгляд, и внутри все переворачивалось. Так и поняла, что он нравился мне, как и остальным. Потом Мартин закончил одиннадцатый класс, я перешла в десятый и больше о нем

слышала.

С переходом в старшие классы моя жизнь кардинально изменилась. Я не только взялась за ум, но и за себя. Стала увереннее, сменила круг общения. В один из дней познакомилась с пареньком из соседнего двора. Его лица я тоже не помню, как бы это не было смешно. Звали его Женя – мое любимое имя. Он покориł меня. Мы даже встречались какое-то время. Были и цветочки, и подарочки, походы в кино на задний ряд. В животе порхали бабочки. Затем закончилась школа, умерла моя бабушка, а мне предстояло поступить в университет. Первым моим решением стало то, что я съеду от матери и начну самостоятельную жизнь. Вторым – обучение на юридическом факультете в одном из престижных ВУЗов города.

В том же году произошло знакомство с Андреем...

Не хочу больше вспоминать прошлое. Мысли все равно возвращаются туда, куда не следовало бы. И сердце снова колет в груди.

Чертыхнувшись, поднялась на ноги. В глазах немного рябило. Наверняка из-за сегодняшнего падения. Решила выпить таблетку. Надеюсь, это не повредит. Знаю не понаслышке, что нельзя принимать большое количество препаратов – это чревато последствиями. Но даже просто сидеть с открытыми глазами было невыносимо, а спать пока не хотелось: слишком раннее время.

Отправилась на кухню, где с верхней полки ближайшего

к выходу шкафчика вытащила аптечку. В ней нашла обезболивающее, которое тут же выпила. Вздохнула, оперлась ладонями на столешницу и закрыла глаза.

Может, пойти еще прогуляться? Лучше бы не стала никого слушать и осталась на работе. Не так уж и плохо я себя чувствую. У меня не сотрясение, чтобы давать мне выходной посреди рабочего дня.

От раздумий отвлек сигнал, оповещающий, что на мобильный пришло сообщение. И кто мог мне писать? Может, открылись какие-то новые факты по делу и меня вызывают? Или случилось еще что-то?

Вспомнилось вдруг, что на столе в кабинете осталась стопка документов, которые я собиралась сегодня заполнить, а также посмотреть кандидатов на должность следователя и отдать бумаги в отдел кадров.

Рванула в коридор и выудила из сумочки телефон. И правда – пришла смс-ка. Номер, только, странный. И в контактах не забит.

Разблокировала смартфон, открыла сообщение весьма подозрительного содержания и затихла.

«Не думал встретить тебя. Ты очень изменилась. Еще и должность такую важную заняла. Если бы не увидел тебя случайно, мог бы жить дальше. Но теперь мои планы изменились. Ты узнаешь о них позднее, поверь. И не думаю, что это тебе понравится, милая».

Кто это еще такой?.. И откуда у него мой номер? Бред ка-

кой-то... Пишет так, словно мы были знакомы. Но тут чуть ли не прямая угроза! Я кому-то насолила? Перешла дорогу? Или это шутка такая?

«Кто ты? И что тебе от меня надо?» – Пальцы тут же застучали по экрану смартфона. Вряд ли ответ придет, конечно. Но мне стало не на шутку любопытно. Правда, ожидания мои не оправдались – ответ все-таки пришел.

«Кто я, ты решишь сама, позже. Уверена, даже придумаешь мне прозвище. Что мне надо – я уже сообщил тебе, хотя мог не делать этого. Прости, не сдержался. Слишком был взволнован нашей встречей».

«Какой еще встречей?» – спросила. Это что, тот парень, что спас меня сегодня? Так я с легкостью найду его, если понадобится! Правда, пока нет смысла. Я не ощущала опасности, но разговор почему-то раздражал.

«Что ты чувствовала, когда смотрела на того мужчину? Страх? Безразличие? Или, может, радость?» – сообщения появлялись слишком быстро. Мой собеседник явно желал со мной общаться и был рад моему вниманию. А мне почему-то тут захотелось выключить телефон, после сменить номер, чтобы всякие идиоты не написывали. Только разыгравшийся интерес победил.

«О каком мужчине речь?»

«О том, что лежал посреди дороги с простреленной головой в луже собственной крови».

И я замерла. Неужели... Убийца? Тот парень, которого я

заметила в толпе... Который скрылся. Это он?

«Это тебя я увидела в толпе?»

«Возможно. Но ты не ответила на мой вопрос, милая».

«Во-первых, я тебе не милая. Во-вторых, если данное убийство твоих рук дело, знай, что поймаю тебя, убудок. Не с той связался. Я не девочка на побегушках, которую ты можешь запугивать. Я старший следователь полиции!»

«Это временно. Потому что я уничтожу твою жизнь».

Я набрала еще одно сообщение, отправила, но до адресата оно не дошло. Решилась даже позвонить, но услышала лишь женский голос, сообщивший, что данный абонент в сети не зарегистрирован.

Неужели мои коллеги что-то нарыли на работе, и об этом сегодня случайно обмолвился Костя? Вдруг эта информация может поспособствовать поимке преступника...

Наверное, он выбрал меня, как самое слабое звено, потому что я женщина. Решил припугнуть, навести на ложный след и запутать странными вопросами... Не на ту нарвался.

Взглянула на время – до конца рабочего дня еще полтора часа, значит, Костя на месте. Быстро набрала его номер, про себя молясь, чтобы мужчина не оказался занят.

– Да, Влада. Передумала насчет свидания?

– Прости, но я не настолько сильно стукнулась головой, – ответила, на мгновение забыв, для чего звоню.

– Тогда в чем дело? Уже устала отдыхать? – послышался тихий стук. Наверное, Костя сейчас сидит за своим столом

и стучит ручкой по клавиатуре, как делает каждый раз во время разговора по телефону.

– Мне только что написал какой-то странный тип. И номер будто бы не российский. Можешь сделать что-нибудь? Попроси у наших узнать, кто мне писал и откуда. Подозрительный тип.

– А что он такого сказал, что ты забеспокоилась? Ты же знаешь, что не положено так делать.

– Он спросил у меня, что я почувствовала, когда посмотрела на мужчину, которого застрелили. А когда я спросила, тот ли он, кого я увидела в толпе, он написал «возможно».

– Да это же шутка, наверное. Кто-нибудь с работы прикалывается...

– Если это не ты, тогда это может быть только убийца, понимаешь? Ты же знаешь, что коллеги меня немного побаиваются. Никто не стал бы так шутить. – Я уже почти кричала. Меня раздражало, что Костя будто бы не слушает. Даже руки затряслись от резко подскочившего в крови адреналина.

– С чего бы убийца писал тебе?

– Ты сегодня обмолвился, что вы что-то нашли. Помнишь? Возможно, это выведет нас на след убийцы. Вот он и испугался. А я же женщина. Для любого мужика – слабое звено. Он решил надавить, это же очевидно.

– Если это так, то затея глупая. Самая его большая ошибка, что написал он именно тебе. Мы оба это знаем.

– Но не он. Прошу, наведи справки, а. Я тут свихнусь сей-

час. Вдруг это и правда поможет нам, – взмолилась. – Я могу даже сходить с тобой на свидание, если сможешь.

– О! Эту возможность я не упущу. Хорошо, попробую узнать что-нибудь. Но ты себя сильно не накручивай. Я все еще считаю, что это просто шутка.

– Проверишь, вот и узнаем. Буду ждать. – И тут же отключила вызов.

Ну уж нет. Если это был действительно убийца, он никуда от меня не уйдет. Сделаю что угодно, но поймаю подонка. Это не первый случай, когда преступник решает напрямую взаимодействовать с полицией, чтобы сбить со следа или припугнуть. Со мной не прокатит. Доберусь до гада. И засажу.

Через полчаса Костя уже перезвонил мне. Быстро же он работает, когда ему что-то надо. Наверное, уж слишком хочет сходить со мной куда-нибудь. А мне придется сдержать свое обещание. Я даже вздохнула, когда поняла это.

– Ну что, нашел что-нибудь?

– Нет. Такого номера не существует вовсе. Не знаю, каким образом тебя набрали.

– Я же говорила, здесь не чисто, – чуть ли не выругалась я.

– И все же не принимай близко к сердцу. Уверен, это больше не повторится. Так что успокойся и отдохни. Завтра расскажу тебе новости. – Голос Кости был каким-то встревоженным.

– Что-то случилось?

– И да, и нет. В общем, скоро узнаешь. До завтра.

Глава 3

Утром я проснулась бодрой и свежей. Даже чувствовала себя куда лучше, чем в последние дни. Будто ожила, очнулась от кошмара.

Меня все не оставлял в покое вчерашний собеседник и новости, ожидающие на работе. Возможно, это прояснит ситуацию, и тогда я стану на шаг ближе к раскрытию дела.

Собралась, закинула в себя бутерброд с колбасой и рванула на работу. Даже доехала за полчаса. Оставалось дождаться прихода Кости и узнать, в чем же дело.

Села за стол, разложила документы и стала заполнять их, чтобы не терять время. Все-таки на мне почти вся бумажная волокита. Необходимо заниматься своим делом, чтобы оправдать ожидания. А то после повышения только и делала, что наступала в лужу на каждом шагу.

Вскоре пришел Костя. Он постучал, прежде чем войти, а затем, не дожидаясь ответа, зашел в кабинет. Сел на стул напротив и закинул ногу на ногу, вальяжно развалившись.

– Рассказывай, – сказала, отложив бумаги в сторону.

– Мы нашли орудие убийства.

– Что? Где? И что с ним?

– Пистолет был найден в паре кварталов от места преступления в урне. Вчера его случайно обнаружили при вывозе

мусора – выпал из общей массы прямо на асфальт.

– Отпечатки уже проверили?

– Конечно. Но, понимаешь, там их как бы нет.

– Как бы?

– Ну... Они есть, но принадлежат жертве.

– Что, прости? – Я поддалась вперед, будто бы не расслышав. – Я же все правильно услышала? Или мне показалось?

– Жертве, говорю. Это было самоубийство, Влада. Он сам себя застрелил.

– Это же невозможно! – воскликнула, подскочив с места и запустив руку в волосы.

– Тогда все складывается. Например, то, почему преступника не было рядом. И почему жертва не убежала от выстрела. Не уклонилась. Потому что он сам это сделал. Подумай сама, – Костя тоже поднялся и подошел ко мне, – у него жизнь коту под хвост пошла. Жена ушла, сына отсудила. С работой не складывалось, друзья оставили, так еще и к бутылке приложился. Вот и не выдержал.

– А тебя не смущает, что оружие найдено не на месте преступления, а в нескольких кварталах? Или что свидетели слышали голоса, доносящиеся с улицы? А способ убийства? Может, его заставили себя убить, ты не подумал? Доведение до самоубийства – тоже преступление. Всучили в руки пистолет и надавили. А после забрали оружие, чтобы след не пал на настоящего убийцу.

– Это было бы логично, но в деле фигурирует новый сви-

детель. Женщина, наблюдавшая сие из окна своей квартиры.

– Тогда почему она не пришла в полицию сразу?

– Говорит, что испугалась, не могла отойти от увиденного. А как отошла, явилась в отделение с показаниями. Она сама видела, как мужчина убил себя. Потом стали подходить люди. Может, кто-нибудь подобрал пистолет. Да даже ребенок какой-нибудь. Унес, а затем выбросил, решив, что игрушка сломана.

– Это все «может быть». Лишь предположения – никаких доказательств. А нужны именно они! Нельзя закрывать дело, не имея реальных доказательств! – Я сорвалась на крик. Лицо горело от злости, а ладонь цеплялась за волосы все сильнее.

– Влада, успокойся. Дело уже закрыли. Еще вчера вечером, через час после твоего звонка. Это самоубийство.

– Хреново работаете. Кто вообще поверит во все это?

– Все поверили, только ты в сомнениях.

– Так поэтому ты вчера на смех поднял мою просьбу? И помог лишь потому, чтобы я согласилась пойти с тобой куда-нибудь?

Костя на секунду потупил взгляд, затем широко улыбнулся.

– Я не мог упустить возможность.

– Идиот... Вот идиот... Это убийца вчера писал мне! Я уверена!

– Остынь, а. – Мужчина подошел вплотную и положил ру-

ку на мое плечо. – Дело закрыто. Все нормально. У нас и так полно дел. Так что забей на шутника и займись своей работой. Не мне тебя учить все-таки. Я понимаю, почему ты себя так ведешь, но тебе надо успокоиться.

– И почему же? Давай, открой мне глаза! – Еще слово, и я сама стану убийцей.

– Потому что Андрей бросил тебя. Ты направила всю свою злобу в это дело, стараясь уйти от реальности. Поэтому и не можешь принять истину. Я не желаю тебе плохого, ты же знаешь это. Но, правда, приди в себя. Это самоубийство. Лучше забудь о закрытом деле и подумай о том, куда мы ходим на выходных.

Я рухнула обратно в кресло без сил. Чувствовала себя так, словно меня выжали, как лимон.

– Не думаю, что у меня есть настроение на прогулки.

– Может, не на этих выходных, но я от тебя не отстану. – Костя улыбнулся, подмигнул, а затем вышел из кабинета.

Я уверена, что вчера переписывалась с настоящим убийцей. Он специально все подстроил так, чтобы отвести от себя подозрения и закрыть дело. Но при этом совершил большую ошибку – написал мне. Я найду его. И посажу на нары. Нельзя, чтобы преступление осталось безнаказанным.

Весь день я занималась документами, но размышляла при этом совершенно об ином. Не об Андрее – он, как ни странно, вовсе забылся, – а о закрытом деле. Мне не давала покоя полученная информация и то, почему все дружно закрыли

глаза на очевидное. Неужели никому нет дела до того, что произошло?

Вернулась домой я уже затемно, сварила кофе, но решила не ужинать – в горле ком стоял, аппетит пропал вовсе. Я так скоро в скелет превращусь – и так очень худая из-за нервной работы. Мобильный я держала при себе, будто бы ждала, что убийца снова напишет. И не зря – он и правда написал. Но уже ближе к ночи, когда я, накрывшись пледом, валялась на диване и смотрела кино.

«Любите вы, полицейские, закрывать глаза. Так легко прикрыли дело – я даже удивлен. Думал, хоть кто-то поборется, но ошибся».

«Я буду бороться, – набрала сообщение, – и найду тебя. Это же ты убийца. Я знаю!»

«Ой, нет, милая. Тут ты ошиблась. Не я».

«Думаешь, я поверю тебе?»

Я взглянула на номер отправителя и заметила, что он тот же, что и вчера, хотя Костя проверил его. Пока ждала сообщение, наскоро отправила смс-ку коллеге, чтобы тот еще раз пробил номер телефона, пока тот активен. Я даже забыла, что рабочий день закончился...

«Нет. Не поверишь. Ты ведь не такая, да?»

«Что тебе нужно от меня?»

«Превратить твою жизнь в Ад. Как видишь, я прекрасно с этим справляюсь».

Меня пробрало на смех. Отложив телефон, я в голос за-

смеялась, да так громко, что, наверное, в соседнем дворе слышно было. Но меня прервало еще одно сообщение.

«Зря смеешься. Ты пока не видишь этого, но скоро будет сложно скрывать очевидное».

Он... видит меня?

Как он узнал, что я засмеялась?

Я принялась в спешке озираться по сторонам, будто бы кто-то мог находиться рядом. Даже поднялась и, вооружившись настольной лампой, прошлась по квартире, заглянула во все темные углы, но никого не обнаружила.

Да он просто издевается! Точно! Не сложно было догадаться, что я засмеюсь после того, как он напишет подобную ересь.

«Можешь скрываться сколько угодно, я все равно тебя найду» – пообещала я, продолжая переписку. Чем дольше активен номер, тем выше вероятность, что телефон отследят. Но и тут убийца опередил меня.

«Если ты пытаешься вычислить меня по номеру, это бесполезно. Тонкости описывать не собираюсь, но ведь нырять с головой под лед весело, не так ли? Уже чувствуешь, как медленно сходишь с ума?»

С ума? Разве схожу? Нет. Такого точно не происходит.

Стоп, и почему я вообще задумалась о его словах? Он же сумасшедший, пытающийся вывести меня на эмоции! Сумасшедший чертов убийца!

Я плюхнулась обратно на диван и накинула на себя плед.

Молча уставилась на экран мобильного, не зная, что ответить. Есть ли вообще смысл продолжать переписку? Я ведь могу заблокировать номер, чтобы меня больше не доставали. Но тогда я потеряю единственную ниточку, что приведет меня к настоящему убийце.

Выдохнула и отложила телефон в сторону. Закрыла глаза, стараясь прислушаться к биению сердца. Тук-тук... Нечего злиться или бояться. Для точности действий и концентрации необходим холодный и ясный ум. А значит, в моей голове нет места переживаниям. И кстати, стоит поблагодарить новоиспеченного преступника – об Андрее я и вовсе думать забыла, хоть наше расставание и отпечаталось в моем разуме.

Завтра пятница, впереди выходные. От мысли о них я почему-то непроизвольно дернулась. Затем снова вспомнила о документах, которые могу завтра забрать на дом. И пока буду корпеть над ними, придумаю, как вытащить на свет убийцу.

Время до понедельника тянулось словно резина. Ночи я спала плохо, отчего выглядела соответственно. Будто умирала прямо на глазах, как цветок, оставленный в темном углу кладовой. Забытый и никому не нужный. В субботу съездила к маме, рассказала новость об Андрее. Та лишь молча кивнула, затем улыбнулась и заявила, что все к лучшему. Что Андрей никогда не был тем мужчиной, которого она хотела

бы видеть рядом со мной. Сказала, что я куда сильнее, потому и парень мне нужен соответствующий.

А вчера мне позвонил Костя, напомнивший о моем обещании. Я отвертелась от свидания, так как выходить из дома желанием не было никакого. Также он отругал меня за то, что я никак не могу оставить в покое закрытое дело, и буквально приказал забыть о мужчине, пишущем мне вечерами.

Да, преступник писал мне каждый вечер. Как только день сменялся ночью, на небе зажигались звезды, а улицы погружались во мрак, мой телефон издавал сигнал о новом сообщении. Я не отвечала. Даже читать смс-ки отказывалась. Просто откладывала мобильный в сторону и шла разгребать тонны документов.

И так вышло, что к понедельнику вся работа была выполнена. Я, изможденная и уставшая, приехала в участок и плюхнулась в кресло. Откинулась на спинку, закрыв глаза. Можно сказать, выдохлась. Я столько времени и сил потратила на работу, чтобы отвлечься, что полностью вымотала себя. Сейчас не хотелось ни то что работать – даже жить.

Где-то около десяти часов утра раздался стук, вырвав меня из дремы, в которую я погрузилась. Заспанная и слегка опухшая, я крикнула, чтобы заходили, после чего в кабинет ввалился Костя.

– Как прошли выходные? – Он плюхнулся на диван, бесцеремонно развалившись.

Я поднялась, обошла стол и прислонилась к нему спиной,

будто бы ища в мебели поддержку – стоять было тоже нелегко. Утром я около десяти минут старалась замазать тональным кремом синяки под глазами.

Скрестила руки на груди и натянула на лицо улыбку.

– Нормально. Работала. Все бумаги разобрала, что накопились. Также составила несколько планов. Они лежат на моем столе, можешь забрать и раздать коллегам.

– Смотрю, ты полностью включилась. Неужели. Я ждал, когда Влада, которую все знают, снова вернется.

– Да. Конечно. Что-нибудь случилось?

– С чего бы? – хихикнул мужчина, затем прокашлялся. – Просто хотел поболтать с тобой.

– Лучше бы работой занялся. Слышала, у вас там дело новое наметилось.

– В общем-то да. Я хотел, чтобы ты подключилась и помогла нам с расследованием.

– О... Нет. У меня своих дел полно. Надо заглянуть к начальнику – он что-то хотел от меня, – на ходу выдумала я. На самом деле, даже в эту секунду я размышляла. Меня не отпускало закрытое дело, да и вряд ли отпустит, когда настоящий убийца каждый день пишет мне.

– Что насчет придурка, который тебе писал? – будто прочитав мои мысли, поинтересовался Костя.

Стоит ли говорить, что ничего не прекратилось? Поможет ли мне Костя в таком случае или снова посмеется? Нет. Не стану рассказывать. Разберусь со всем сама, раз уж им так

сильно приспичило прикрыть безнадежное дельце.

– Ничего. Прекратил. Ты был прав насчет шутника. Просто кому-то стало скучно. Наверняка из участка кто-то.

– И не будешь его искать? – словно уточняя, спросил мужчина и приподнялся.

– А зачем? По-твоему, у меня других дел нет?

Я исподтишка взглянула на часы, висевшие над входной дверью. Уже скоро обед, а значит, мне надо будет кое-куда отъехать.

– Кстати, можешь принести мне бумаги по закрытому делу о самоубийце? Хочу проверить, все ли там правильно. А то знаю я, как вы все работаете. – Я специально включила присущее мне высокомерие.

– Да. Ладно. Только сдай все начальнику до обеда. Это должен был сделать я, но раз просишь, тогда сама. Окей?

– Хорошо. Тащи их сюда.

Через десять минут я уже выписывала в блокнот адрес и имя свидетельницы, благодаря которой дело и закрыли, а также подробности места, где обнаружили пистолет. На самом деле я бы еще раз отправила орудие убийства на экспертизу, но не думаю, что мне сообщат что-то новое. Наверняка там и правда нет отпечатков. Сейчас довольно холодно, а значит, каждый второй носит перчатки. И почему все так быстро забыли о найденных под ногтями частичках кожи, которые не принадлежали жертве?

Позже, я все документы (в том числе и мои) отнесла на-

чальнику. Он довольно кивнул и сказал, что тоже рад, что я вернулась в строй. Как это понимать, я не знала, но такое ощущение, что весь участок в курсе моей личной жизни и какое событие недавно произошло. Потом я оделась, вызвала такси и поехала по выписанному адресу. Дом, и правда, был тот, что находился вдоль дороги, где все случилось. Только этаж меня смущал – шестой. И еще возраст свидетельницы – ей 63. Не думаю, что у нее идеальное зрение, чтобы рассмотреть все.

Приехав, на несколько секунд остановилась там, где не так давно лежало тело убитого мужчины. Огляделась. Люди шли мимо, будто бы ничего страшного в этом месте и не происходило. Хотя, откуда им знать. Уверена, большинство – случайные прохожие, а те, кто присутствовал на месте преступления, уже и забыли об этом, успев обсудить произошедшее со всеми своими знакомыми, а также выложив пару ярких фото в социальные сети.

Направилась к дому. Домофон не работал, потому я спокойно проникла в подъезд и поднялась на лифте на нужный этаж. Дверь справа – как раз та, что мне необходима. Замерла, прокрутив в голове все вопросы, что задам, приготовила удостоверение и постучалась. Сначала было тихо – я даже решила, что заглянула в неудачное время и стоило зайти вечером, чтобы застать хозяйку дома, но вскоре послышались шаркающие шаги, а затем и тихий голос, спрашивающий, кто там.

– Здравствуйте, меня зовут Владислава Николаевна. Я из пятьдесят шестого отдела полиции. Пришла задать несколько уточняющих вопросов.

– Я уже все рассказала вашим, что видела. Зачем меня донимать?

– Дело в том, что остались некоторые нюансы, и мне нужно уточнить информацию. Вы могли бы посотрудничать?

Воцарилось молчание. Я даже решила, что женщина не захотела открывать мне, но затем послышался щелчок замка, и дверь со скрипом приоткрылась. Наружу выглянуло осунувшееся лицо, покрытое мелкой сеткой морщинок, оросившими область вокруг губ и глаз. Седые волосы, убранные в хвост, выпадали из прически на лоб, из-за чего частично прятали испуганные серые глаза.

– Документы покажите сначала.

Я открыла и протянула вперед удостоверение, после чего уже была приглашена в квартиру. Женщина провела меня на кухню, где поставила воду на чай и без лишних вопросов водрузила на стол тарелку с шоколадными конфетами. Пока свидетельница суежилась, я ничего не спрашивала, считая это дурным тоном. И только после того, как кружка чая стояла передо мной, а женщина заняла стул напротив, открыла блокнот, решив вытягивать факты, если это потребуется.

– Что вас интересует?

– Можете мне еще раз рассказать, что произошло в воскресенье неделю назад?

– Ну я, как всегда, кормила свою кошку, – начала женщина, – и собиралась уже идти спать, как услышала, что кто-то ругается снаружи. Выглядываю, а посреди дороги стоят два оболтуса, о чем-то оживленно споря. Самого разговора я не слышала, но это было очень громко. Я уже хотела высунуться из окна и сказать, чтобы они проваливали прочь, пока я не вызвала милицию, – на слове «милиция» меня перекосило. Мы уже давно не являемся милицией, но люди старшего поколения все еще придерживаются былого названия.

Я внимательно наблюдала за свидетельницей. Ее глаза сначала были направлены прямо на меня, но вдруг она остановилась и потупила взгляд, зрачки забегали из стороны в сторону.

– Что было дальше?

– Потом один мужчина ушел. Второй достал что-то из кармана и стоял, разглядывая содержимое где-то около минуты. Затем раздался хлопок, и он рухнул на землю. Я думала, у меня сердце остановится. Потом стали собираться люди, кто-то вызвал скорую, а я пошла пить валерьянку, чтобы успокоиться. Давление скакало как бешеное. Даже к доктору сходить на следующий день пришлось. А потом, когда стало легче, я позвонила в милицию, узнала, какой участок расследует дело, и поехала к вам с показаниями.

– Могу я посмотреть на вид из вашего окна? Из того, где вы все это увидели.

– Да, конечно. Оно находится в спальне.

Женщина, немного кряхтя, поднялась на ноги, а я последовала за ней. Мы миновали небольшую захламленную старыми книгами гостиную и вошли в спальню. Комната была маленькой, с односпальной кроватью и большим разноцветным ковром на стене.

Я прошла к окну и открыла створки, выпуская холодный воздух в комнату. Как и думала, во дворе фонарей не было. Ближайший источник света – на дороге, где все случилось. Деревья, растущие между домом и дорогой, закрывали обзор. А то место, где произошло убийство, можно было рассмотреть только в том случае, если обладаешь превосходным зрением. Нет, конечно, по силуэтам и хлопку возможно догадаться, как все произошло, да и то, что там находились двое мужчин, тоже – по голосам. Но все же в моей душе зародилось еще большее сомнение насчет показаний.

Спрашивать, почему свидетельница не пришла в участок сразу, я не стала – на этот вопрос она ответила еще до того, как я его озвучила. Будто бы все продумала наперед. Или ее кто-то запугал?

Я огляделась, рассматривая спальню. Взгляд упал на тумбу у кровати. Очки. Явно с толстыми линзами.

– А какое у вас зрение?

– Зрение... эм... вполне хорошее. Очки мне нужны для того, чтобы читать. Без них жутко устают глаза. А так я все вижу в пределах нормы, поверьте.

И снова оправдания, причем не очень правдоподобные.

Даже если это и являлось истиной, я все равно сомневалась в идеальности зрения свидетельницы.

– Скажите, к вам кто-то приходил в течение прошлой недели? Во вторник или, может, среду? Мужчина, например.

– Ко мне никто не приходил. Мои дети живут в другой части города – можете позвонить им. А больше и некому.

– Уверены, что никто не запугивал вас и не просил дать неверные показания? – настаивала я, не говоря о том, что дело уже закрыто.

– Д-да. Никто не приходил. И вообще, милочка, что вы хотите сказать? Что я лгунья? Зачем мне это? Хотите выставить меня обманщицей в моем же доме? Приходите, допрашиваете, а потом чуть ли не сыпетесь обвинениями.

– Я вас ни в чем не обвиняю, а лишь интересуюсь, чтобы вычеркнуть из списка догадки.

– Я рассказала вам все, что видела и знаю, а теперь, простите, покиньте мой дом.

Я и оглянуться не успела, как оказалась на лестничной клетке. Что ж, судя по реакции, можно сделать вывод, что женщину действительно запугали. Возможно, дело как раз таки в ее детях. Или даже внуках, которыми она дорожит. Убийца мог заприметить ее на улице или еще где-то, проследить как она входит в подъезд, выяснить на какую сторону выходят окна, а затем запугать женщину, сказав, что что-то может случиться с ее детьми, если та не даст показания, которые помогут закрыть дело.

Если мое предположение верное, тогда преступник все еще должен следить за ней и видел меня. А значит, может предпринять следующий шаг, забросив эту дурацкую игру в переписку.

И если все мои умозаключения верны, тогда убийца все еще на свободе, самоубийства никакого не было и в помине, и дело необходимо заново открыть. Ведь все показания – ложь. Но нужно обзавестись неопровержимыми доказательствами, чтобы мне дали зеленый свет на работе. Что ж, придется продолжать копать в черную. Я не могу так просто это оставить, когда уже полностью убедила себя в том, что в состоянии раскрыть дело.

Вернувшись на место преступления, я просмотрела записи в блокноте и направилась туда, где нашли пистолет. Все это время осматривала окружающую территорию и заметила, что на пути была уйма урн, но оружие найдено почему-то именно здесь, вдалеке, но при этом на видном месте. То есть не где-нибудь во дворах, в подворотне или другой части города. А именно тут. Его бы все равно нашли, но убийца предпочел унести оружие подальше. Еще очевидно, что преступник передвигался пешком. И также понятно, почему пистолет обнаружили не сразу – опять же потому, что на пути много мусорок. Но все равно остаются вопросы. Миллион вопросов.

Если, как было сказано в протоколе, дополненным Костей, пистолет утащил ребенок, тогда все складывается ло-

гично – он даже не задумывался о том, что именно у него в руках. Покрутил, понял, что не работает, вот и выбросил в первую попавшуюся урну. А если взрослый – тогда мне ничего не ясно.

Может, дело даже не в оружии убийства. Может, о нем действительно стоит позабыть хотя бы на время. Сейчас больше всего пугает ложь свидетеля. И тот, кто именно дал пистолет жертве.

Если я отвечу на сообщения в телефоне, вряд ли что-то выпытаю. Да и в том, что уже пришло, нет никакого смысла. Лишь пустые бредни сумасшедшего, старающегося припугнуть меня.

Вздохнув, я решила вернуться на работу, ведь обеденное время подошло к концу еще полчаса назад. Начальник не обрадуется, если не застанет меня на рабочем месте. Пока ехала в такси, телефон стал напевать мелодию. Решив, что сейчас получу нагоняй, вытащила мобильный и сомкнула веки, настраиваясь и придумывая, что скажу. Затем распахнула глаза и увидела, что на экране высветился номер, которого, как утверждает Костя, не существует.

Огляделась, после чего ударила себя по лбу. Я ж в такси! Кто может следить за мной?

Стоит ли отвечать? Что этот человек может сказать мне?

Но ведь я не наивная девчонка. Я сотрудник полиции. И смогу вытащить из преступника все необходимое мне.

Я провела указательным пальцем по экрану, принимая

ВЫЗОВ.

– Да.

– Ты совсем не отвечаешь на мои сообщения. Игнорируешь? Или считаешь, что это глупая шутка? Это немного выводит меня из себя. – Голос мужской – это очевидно. Но мне незнаком. Это точно не коллега, как подозревал Костя.

Он был чуть хриплым, едва слышным, но при этом внушал некую мощь, заложенную в каждое, пусть и пустое, слово. Мужчина говорил медленно, будто ему было скучно. Даже показалось, что он вот-вот зевнет.

– Кто вы? – только и смогла поинтересоваться у собеседника, хоть и знала, что преступник мне не ответит.

– Ты можешь звать меня как угодно. Конечно, у меня есть свои предпочтения, но вряд ли сейчас тебе это интересно. Может, позже, когда мы познакомимся поближе.

– Вы знаете, кто я? Я могу по щелчку пальца найти вас и засадить за решетку.

– Тогда почему же ты до сих пор не сделала этого? Ведь, как я понял, именно меня ты винишь в убийстве того мужчины. – Да он даже не пытается отвертеться! Чуть ли не признание в лицо кинул, заявив, что знает о моем деле! – Верно, сейчас полиция вовсе не та, что была когда-то. А была ли... Ты когда-нибудь спрашивала себя, всегда ли правоохранительные органы были такими?

– Какими – такими?

– Лживыми, закрывающими нераскрытые дела для галоч-

ки. Теми, кто не пытается докопаться до правды, принимая первую попавшуюся догадку за истину, даже если та кажется полным абсурдом.

Он знает обо всем? Он все это время следил не только за мной, но и за тем, то происходит в отделении? Может, он все-таки работает у нас? Потому что больше неоткуда узнать... Никто не рассказал бы ему, что произошло, так ведь?

– Влада, почему ты молчишь? Ты ведь не ответила на мой вопрос.

– Я понятия не имею, о чем идет речь. И в целом не понимаю, зачем говорю с вами.

– Потому что только ты не сдалась. Только ты не приняла версию о самоубийстве. И только тебе интересно, что случилось на самом деле.

– Откуда вы... – прошептала я. Меня бросило в пот от ужаса. Руки затряслись, я еле удерживала мобильный у уха. Чувствовала себя так, словно меня выбросило из машины прямо в сугроб, да еще сверху лавиной накрыло. И я медленно задыхалась в ледяной тюрьме, пока мое тело синело и тряслось от холода.

– Я могу представить, что у тебя в голове. Я многое знаю о тебе. Знаю, почему ты пошла работать в полицию. Знаю о том, что происходило в твоей жизни в последние годы. Знаю все. Даже то, как ты кусаешь кончик ручки, задумавшись.

– Я спрошу еще раз: кто вы такой?

– Раз ты настаиваешь, можешь называть меня Хозяином.

– Это шутка какая-то? – Страх прошел, и я громко засмеялась. Даже водитель такси вдруг обратил на меня свое внимание, хотя до этого безучастно наблюдал за проезжей частью. – Мы с вами в садо-мазо играем, что ли?

– Скоро я стану хозяином твоей жизни. Посему и имя у меня соответствующее. Не пропадай из виду... Хотя, у тебя все равно не получится скрыться от меня.

Что... это... черт возьми, было? Что за хрень?! После последней фразы меня будто ледяной водой окатили, а от бывшего веселья, возникшего так же из неоткуда, не осталось и следа. Страх вернулся, да только ударил новой, более сильной волной. Если кто-то сейчас обратится ко мне, или телефон зазвонит, думаю, не выдержит мое сердечко, и тут же остановится.

Я перевела взгляд в зеркало заднего вида. Мое лицо бледное, зрачки настолько расширены, что даже на таком расстоянии это было заметно. Волосы у линии роста взмокли, а губы пересохли. Я облизнула их, попыталась улыбнуться. Но то была не улыбка – оскал. Выглядела я настоящей сумасшедшей.

Почему меня так напугали его слова? Разве можно относиться к ним так серьезно? То, что мужчина сказал про ручку – полная ерунда. Уйма людей делают абсолютно так же, потому не сложно было ткнуть пальцем в небо. И тут он просто попал в точку – не более. О том, что я не сдалась, тоже ясно, ведь я задаю вопросы. Я обвиняла его в смс-сообщениях.

Вдруг я пожалела, что не установила приложение, которое записывает все телефонные разговоры. Сейчас оно было бы кстати. Сколько раз себе напоминала сделать это... И теперь у меня нет доказательств того, что номер действительно существует и все это не шутка, как твердил Костя. Мне почти что угрожали!

Глава 4

Несколько дней я бродила по участку словно призрак. Ничего не интересовало, ничего не хотелось. Мной двигало лишь одно желание – разобраться в том, что случилось на самом деле. Уже не думалось ни о бывшем, покинувшем меня, ни о насущном. Работа так вообще на второй план отошла. Сейчас наш отдел занимался двумя новыми делами, ко мне заходил Костя, чтобы просить помощи в расследовании. Но я, честно говоря, практически послала его.

Ночами не спала – все пыталась выяснить, как вычислить, откуда был сделан вызов. Все сайты просмотрела, и даже узнала кое-что, но это не могло помочь мне. Днями вливала в себя кофе и грызла ногти.

Утром, когда я твердо решила, что просто обязана возобновить дело, остановилась у зеркала. Мое лицо стало бледным, будто его мелом выбелили. Губы пересохли и потрескались, а сальные волосы я просто завязала в тугий хвост. Натянула на себя что-то, первое попавшееся из моего нового гардероба, и рванула в отделение. Начальник должен пойти мне навстречу. Он хорошо относился ко мне, благодаря моей упорности. Я раскрыла абсолютно все дела, которые мне поручались. И сейчас он обязан прислушаться.

Приехав на работу, медлить не стала и отправилась пря-

миком в кабинет шефа. Вошла без стука, бросилась к столу и оперлась на него обеими руками. Начальник поднял на меня глаза, настороженно всматриваясь мое бледное лицо.

– Что-то случилось, Влада?

– Да. Случилось. Вы закрыли дело, которое нельзя было закрывать. Приняли первую версию, решив не копать-ся. – Я начала сыпать обвинениями, указывая на допущенную ошибку. Старалась вывести на эмоции шефа, но тот даже ухом не повел.

– И к чему все это? Дело мутное, сама знаешь. Там нечего расследовать. Все и так ясно.

– А как же орудие убийства? Вас устроила версия, что ее мог утащить ребенок? И это без каких-либо доказательств! Вы смотрели камеры видеонаблюдения? Я уверена, что хоть где-то, да они были. Видеорегистраторы, еще что-нибудь, в конце концов! – Затем задумалась, стоит ли говорить о свидетельнице, но решила, что все-таки надо. – А свидетель? Да она пожилая женщина с проблемами со зрением! У нее дома очки лежат такие, что я вообще удивлена, что она смогла хотя бы меня видеть! А тут речь о произошедшем в нескольких десятках метров. Да еще и по темноте.

– Стоп! Ты. Что. Ходила домой к свидетельнице?! – Голос шефа звучал по нарастающей, пока не перешел на крик. Мужчина подорвался с кресла и ударил кулаком по столу. Не ожидая такого поворота, я отскочила на несколько шагов назад, но, взяв себя в руки, стремительно вернулась на место

и, повторив жест начальника, закричала:

– Да! Ходила! И правильно сделала! Как вы вообще могли принять к сведению ее показания, не сверившись с фактами? Она не отвечала на мои вопросы, уходила от ответа, а потом и вовсе выставила меня за дверь, чтобы я не смогла вытащить из нее правду. Я уверена, что ее заставили солгать. Припугнули. На пожилых людей давить куда легче. У нее же есть родственники? Дети? Внуки? Могли сказать, что убьют их, если она не придет в отделение. Еще и место подсказали! Как она могла узнать, что идти надо именно к нам, а не в ее участок?

Я знала, что задаю верные вопросы. Они должны заставить начальника задуматься и открыть дело. Мы обязаны найти настоящего убийцу.

– А насчет преступника... Он каким-то образом нашел мой номер и писал мне в течение недели. Каждый сраный вечер! А сегодня так вообще позвонил и угрожал!

– Уверен, это просто шутка, – шеф опустил обратно в кресло и сложил руки в замок перед собой.

– Я тоже так думала, но нет. Во-первых, голос мне не знаком. Во-вторых, ему неоткуда было узнать нюансы дела, если только никто не триндит о нем на каждом углу. Ко всему я пробивала номер, и такого даже в природе не существует. Я уверена, что преступник воспользовался одним из сайтов, где можно на пять минут создать номер. Такими сайтами пользуются для того, чтобы создавать фейковые аккаун-

ты в соцсетях. По истечению времени номер удаляется, буд-то его никогда и не было.

– Влада, мне кажется, это слишком далеко зашло. Я понимаю, что у тебя проблемы на личном фронте, но это не значит, что можно сходить с ума, – спокойным голосом произнес начальник.

– Да тут что, все отделение в курсе моей личной жизни?! Это не имеет к делу никакого отношения! Я говорю вам прямые факты, а вы упорно продолжаете их отрицать.

– Я уверен, что человек, который подшучивает над тобой, если все сказанное правда, не имеет никакого отношения к закрытому делу. Убийце или кому бы там ни было незачем напрямую связываться с человеком, расследующим преступление. А насчет свидетеля... Ты правда считаешь, что мы не сомневались в ее показаниях? Мы запросили справку у врача о состоянии ее здоровья. Где черным по белому было сказано, что женщина не имеет проблем со зрением или слухом. Так что сомневаться в ее показаниях мы просто не посмели. – Мужчина притих, размышляя. Это было видно по тому, как он сощурился. Будто бы подбирал дальнейшие слова. – Ты несколько дней сама не своя. На работу вообще забила. Я назначил тебя не для того, чтобы ты опустила руки. Влада, я думаю, мы поспешили с назначением тебя на новую должность. Возможно, ты просто еще не готова или слишком молода для нее. Тебе надо взять перерыв.

– Перерыв?.. Вы отстраняете меня?

– Пусть будет так. Я не могу позволить тебе сходить с ума и дергать сотрудников, отвлекая от их прямых обязанностей. Иди домой, приведи себя в порядок и через полтора месяца возвращайся. Вернем тебя на старую должность, а старшим следователем сделаю Александра.

– Но вы не можете...

– Иди домой.

Я ехала в такси полностью разбитая. Я потеряла ее... свою должность. Упустила по ошибке. Но вот вины в этом моей нет. Это он виноват – убийца. Это только из-за него. Он убил человека, потом запугал пожилую женщину, чтобы та стала свидетелем. А когда дело закрыли, но я продолжила расследовать его, принялся писать мне. Но не для того, чтобы запугать. Он знал, что я все так не оставлю. Он знал, что меня выгонят...

Долбаный кретин! Ненавижу... Как же я его ненавижу... Он свободно ходит среди людей – его потенциальных жертв, – радуется жизни, ест и пьет. А я... А у меня ничего больше не осталось. Я сама позволила всему этому случиться.

В этот момент больше всего на свете мне захотелось поговорить с мамой. Она ничего не знает, ведь я не звонила ей какое-то время. Поэтому назвала водителю другой адрес, и автомобиль плавно развернулся. Потом вдруг подумала, что надо пересаживаться на метро, ведь денег на такие поездки у меня больше не будет.

У мамы я находилась довольно долго, все время поглядывала на часы, надеясь, что на пути домой успею заскочить в алкомаркет. Душа так и требовала горячительного, чтобы забыться.

Мама успокоила меня, обняла, как делала это раньше. Пыталась накормить борщом. Но у меня ком в горле встал – совсем ничего не хотелось есть. Только из вежливости я залила в себя пару ложек.

К восьми часам я попрощалась и поблагодарила за уделенное мне время; за то, что мама смогла успокоить меня и внушить надежду на то, что все наладится. Пусть я и лгала... Я даже отругала себя за то, что дала слабинку и сразу же рванула плакаться.

Я успела в магазин почти к закрытию. Оставалось ровно десять минут до того, как перестанут продавать спиртное. Прихватив бутылку рома и полтора литра пепси-колы, поднялась домой. Ввалилась в квартиру, словно уже была пьяна. Скинула обувь, прошла в гостиную, даже не снимая верхней одежды, после чего открыла бутылку и присосалась к ней, напрочь забыв о запивке. Ром жег горло. Вкус неприятный, но в этот момент было все равно. Я никогда не любила крепкие напитки, но сегодня захотелось поступить именно так – не иначе.

Чуть позже, когда кровь разогрелась и я ощутила жар во всем теле, размотала шарф и стянула с себя пальто. Именно тогда поняла, что сильно опьянела – все поплыло перед гла-

зами. Я неуверенно стояла на ногах, покачиваясь из стороны в сторону. А еще безумно хотелось плакать. Орать во все горло. Размазывать слезы по бледному лицу.

Апогеем моей «вечеринки» стало то, что я бросилась в ванную, забралась в нее в одежде с бутылкой в руке, включила воду и запела. Я даже не помню, что пела. Затем громко смеялась, на мгновение обрадовавшись, что теперь у меня долгожданный отпуск. Но на смену кратковременной радости пришла злость. Хотелось швырнуть бутылку в стену, да только алкоголь жалко проливать было. Злилась на отдел и тупых следователей, злилась на начальника, что выбросил меня сразу же, как перестала плясать под дудку. Злилась на Костю, который не верил мне. И злилась на Андрея, бросившего меня. Кажется, моя жизнь пошла под откос именно после его ухода...

Позже обняла допитую бутылку, сетуя, что не купила две. Это же надо было так проколоться! Одной мне явно мало... Но уже спустя мгновение, когда содержимое моего желудка выливалось из меня в унитаз, осознала, что поспешила с выводами. Кажется, я так и отрубилась в ванной... но на следующий день открыла глаза в своей спальне.

Вещи, аккуратно сложенные в стопочку, покоились на тумбочке около кровати. Сама же я лежала в одной из новых чистых футболок, накрытая одеялом. Рядом с вещами стоял стакан воды, таблетка, кажется, аспирин и записка. В этот момент меня будто молнией ударило.

Приподнявшись, я взяла в руки листок.

«Отстранили? Что ж, это было весьма ожидаемо. Я ведь говорил тебе, что людям плевать, что ты там накопала. Никто не поверит тебе, если выгоднее замять дело, чем продолжать копать в нем. И да... Понравилась вечеринка? Хорошо отдохнула? Я позволил тебе напиться в этот раз, но не думай, что тебе удастся это повторить».

Твою... мать... Он проник в мой дом? Но как? Что за черт?!

Я подорвалась на ноги, задев рукой стакан с водой, который тут же упал на пол, разбившись вдребезги. Капли потекли по оголенным щиколоткам. Я сжала в руке записку и рванула в коридор, чтобы отыскать в кармане пальто мобильный. Даже молилась, лишь бы не потеряла его вчера. С опозданием заметила, что пальто-то было оставлено в зале...

Он еще и вещи мои трогал?!

После дошло и последнее – он передел меня. Я инстинктивно обняла себя, будто кто-то мог наблюдать за мной. Метнула взгляд в сторону окна, где виднелись улица и соседний дом. Наскоро закрыла шторы во всех комнатах. Руки задрожали, зуб на зуб не попадал. Я вновь ощутила то же, что и пару дней назад в такси. Тот же ужас, который сковывал тело.

У него что, есть ключи? Я помню, что запирала дверь. А ключи бросила на тумбу в прихожей. И они все еще лежали там! Я видела, как они блеснули в свете загоревшейся лампочки. Но откуда у него ключи? Где он их взял?

Мобильный нашелся там, где я и думала – в кармане пальто, которое висело в коридоре на крючке. Дрожащими пальцами отыскала номер Кости и нажала на «вызов». Несколько длинных гудков – и друг ответил мне.

– Костя! Кто-то был в моей квартире! – выпалила я без приветствий.

– В каком смысле? Тебе не показалось? Или что-то пропало?

– Да в прямом! Я вчера вырубилась в... – На секунду замялась, задумавшись, стоит ли говорить о попойке, но потом решила, что надо. Если нужна помощь, стоит рассказывать все без утайки. – В ванной. А проснулась я переодетая в кровати. Рядом лежала одежда, стоял стакан с водой и таблетка.

– Может, ты так наклюкалась, что забыла о том, что сделала все сама? Спокойно встала, приготовилась к утру и улеглась спать.

– Как бы не так, дружище, – прошипела я, а Костя нервно кашлянул, услышав последнее слово. Видимо, все еще надеялся, что я выполню свое обещание и мы сходим на свидание. – Рядом также лежала записка. И это не мой почерк, мать твою! Я не писала ее. И я не сошла с ума! Кто-то был в моей квартире! Даже вещи лежат не на своих местах.

– Повторю: что-то пропало? – Костя говорил спокойно, будто ничего сверхъестественного не произошло. А мое сердце отбивало «Пляску Смерти» Ференца Листа.

– Вроде... – оглянулась на всякий случай, – ...нет. Ниче-

го. Но это не суть!

– Что написано в записке? – Я зачитала текст сразу же после вопроса. Костя на пару секунд затих, я даже обрадовалась, что он наконец-то поверил мне. – Подумай хорошо, у кого могли быть ключи от твоей квартиры...

– Ни у кого... Только у...

– У Андрея. Возможно, приходил именно он? И тогда все логично: почему разложены вещи, ты в кровати, а не у унитаза, и как он попал в квартиру. Все просто – у него есть ключи. Никто не забирался к тебе. Андрей просто что-то забыл и пришел забрать. А ты и не заметила, потому что считала, что он уже все унес. А ты развела сыр-бор. Влада, у тебя начинается паранойя. Сходи к психологу, пока не поздно. Ты меня пугаешь. Я не хочу, чтобы тебя окончательно уволили.

– Ага, – кивнула, сжав мобильный в руке. Будь я чуть сильнее, он уже сломался бы. – Спасибо за заботу. Пока.

И отключилась. Он не поверил мне. Даже говорить о времени «прихода Андрея» и подробностях о деле в самой записке ничего не стала, ведь Андрей не мог знать о том, что происходило со мной в последнее время. Он просто слинял, как трус.

Это точно был он – преступник. Иначе невозможно. Но откуда у него ключи? Зачем он вообще делает все это, раз обезвредил меня? Неужели ему все еще что-то нужно от меня?

Я так и стояла в коридоре, сжимая в руке телефон. Ко-

стяжки побелели от применяемой силы. Я злилась и боялась одновременно. Ведь версия Кости логична, но не верна. Только я знаю правду, но никто даже не стал проверять ее. Преступник прав, что современной полиции плевать на все, что происходит вокруг них. Им надо либо ткнуть в лицо подтвержденные факты, либо делать все самому.

Черт. Я заговорила о своей профессии так, будто не являюсь больше сотрудником правоохранительных органов. Меня отстранили, но не уволили. Я ведь вернусь... наверное.

Я зашла в спальню, собрала осколки и вытерла разлитую воду. Таблетку пить не стала – мало ли, что она представляет из себя на самом деле. Еще раз вчиталась в записку и, усмехнувшись, выбросила ее в урну. Долбанная бумажка все равно бесполезна.

Стоит сменить замки на двери – так никто не сможет попасть в мою квартиру. Посмотрела на время, стрелки часов указывали на полдень, а это означало, что все конторы по замене уже работают. Созвонилась с мастером, после чего съездила в магазин за замком, который мне установят. И уже к вечеру ощутила себя в безопасности, повесив на крючок новый ключ.

Теперь-то уж точно никто не попадет в квартиру, ведь дубликат я не делала, и единственный экземпляр – мой.

Плюхнувшись на диван, я смогла закрыть глаза. Кажется, меня даже не волновало то, что начальник пнул меня из отдела. Утро напрочь вычеркнуло эту строку. Я переживала

только лишь о том, чтобы никто больше не проник в мой дом. Это страшно – просыпаться, зная, что чужие руки касались твоего тела, раздевая. Что посторонние ноги ходили по купленному тобой ковру. А так как я на сто процентов уверена, что это был убийца того мужчины, значит, по моей квартире бродил настоящий преступник. Просто удивительно, что он не свернул мне шею, пока спала.

Звонок мобильного заставил вздрогнуть. Открыв глаза, я поднялась, чтобы взять в руки телефон. Я догадывалась, кто звонит, хотя втайне желала, чтобы мои подозрения оказались ошибочными. Но нет. Тот же номер... Тот же человек... И почему он никак не оставит меня в покое? Брать ли трубку? Вдруг он снова начнет нести бред? Или напугает меня до полусмерти?

Вспомнив, что я куда сильнее, чем могу показаться на первый взгляд, собрала волю в кулак. Нервно выдохнула. Он все равно не увидит меня. Не узнает, о чем думаю. Я в безопасности. Сейчас мой дом – действительно моя крепость.

– Что вам надо?

– Смотрю, ты неслабо испугалась, – без приветствий и игнорируя мой вопрос, сказал он. Чувствовалась зловещая улыбка, застывшая на губах.

– Я не буду спрашивать, кто вы. Меня интересуют лишь две вещи: что вам от меня нужно и как вы попали в мой дом?

– Я ведь говорил, что у меня на тебя большие планы? Если

нет, прости. Я забыл предупредить тебя. Но планы и правда наполеоновские. У всего есть последствия, милая. На каждое действие есть противодействие. Или ты думала, что может быть иначе?

– Хотите сказать, что я что-то сделала вам? Но что? В чем я могла провиниться?

– Ты узнаешь позже. Сейчас не время. У меня другие планы. Поэтому перестань задавать глупые вопросы. Ответ хотя бы на один из них никак не поможет тебе. Не спасут и твои коллеги по работе. Тебя все оставили. Никто не верит тебе. Они считают, что ты помешалась на последнем деле. Им проще выбросить тебя, чем слушать. – Он говорил то, о чем я и сама прекрасно знала. Произносил все так, если бы это была я. Будто моими же словами, что пугало куда сильнее угроз.

– Я ничего не понимаю. Вы добились того, чего хотели, но почему не оставите меня в покое? Я больше не работаю. Никак не могу повлиять на закрытое дело. Вы на свободе... Тогда что вам нужно от меня?

– Мне нужна ты. Мне плевать на твое дело. Я к нему не причастен. Я лишь дал возможность закрыть его, подкинул пару идей. Удивительно, как их быстро приняли на веру. Но большего и не делал. Хотел посмотреть на реакцию полиции. Впрочем, она была ожидаемой. Но не для тебя, милая, как я успел заметить. Ты застряла в замке, что построил для тебя твой отец. Ты полностью уверена в своих силах и си-

лах органов полиции. Хотя, теперь это уже не так, верно? – Его насмешливый тон раздражал. Но в то же время удивляло, что мужчина знал почти все. Будто изучил меня, мою жизнь, и теперь ему не составило труда предугадать все, что может произойти в ближайшее время. Возможно, он следил за мной не один день... И если так, он, и правда, мог быть не причастен к закрытому делу, и я просто сфокусировалась на лишней фигуре, подставив свою работу под удар... Я сыграла в его игру. И проиграла.

– Я даже не знаю, что сказать...

– А ты не говори, ты слушай. Ведь теперь, когда твоя жизнь не та, что была прежде, я могу продолжить начатое. И мне кое-что нужно от тебя.

– Что? Деньги? Драгоценности? – За шантаж я его уж точно смогу привлечь.

– Нет, милая. Все эти блага мне без надобности. Я хочу полного твоего подчинения. Чтобы ты слушала меня. Чтобы внимала каждому моему слову и делала абсолютно все, что от тебя потребуется.

– Не вижу в этом смысла.

– Я могу дать его тебе... забрав единственного дорогого тебе человека.

Черт! Он сейчас говорит о маме?! Он угрожает напрямую?

– Не смей трогать мою мать! Пусть я и отстранена, я все еще сотрудник полиции! – Я перешла на крик.

– Сотрудник, которого никто не станет слушать, ведь она прослыла сумасшедшей из-за расставания с парнем. Ты понимала коллег больше недели, а доказательств у тебя так и не появилось. Вскоре никто даже трубку не будет брать, когда ты позвонишь. – Он засмеялся. Звонко. Громко. Но ненадолго. Вскоре затих, прокашлявшись, и продолжил: – Поэтому слушайся меня, милая. Кстати, ты очень красивая. Я долго любовался тобой сегодня ночью...

– Пошел к черту, придурок! – рывкнула и бросила трубку, не став слушать дальше.

Я ошиблась, когда назвала его убийцей. Он психопат. Самый настоящий маньяк. И прицел его орудия наведен на меня, а я не знаю, чем заслужила все это.

Упала обратно на диван и заплакала. Горечь застыла в горле. Но не такая, как от алкоголя. Она была иной. Будто я проглотила целиком кубик льда, приправленный мышьяком. Но мобильный зазвонил вновь. Я даже не успела успокоиться...

Отвечать не хотелось. Я сбросила вызов и кинула телефон в сторону. Тот, отскочив от дверцы шкафа, упал на ковер. Плевать, если экран разбился. Лучше бы у меня вообще мобильного не было.

Но звонки не прекращались. Некогда любимая песня играла вновь и вновь. Наверное, в этот момент я и возненавидела ее. Я зажимала руками уши и раскачивалась. Закрыла глаза, а по щекам катились слезы, попадая на губы. Мелодия затихала. Некоторое время стояла тишина, и после в гости-

ной снова звучали строки:

«Alone in a world with millions of souls

Walking in circles

Trapped in our dreams unhealthy, unclean

Walking in circles, now

Do not disturb, scream in silence

Everyone's sleeping» (песня Dead by Sunrise – Walking in circles).

– Хватит! Сколько можно? – закричала, переходя на фальцет. Я чувствовала себя так, словно схожу с ума. – Прекрати эту пытку!

Но телефон все звонил. Со злостью в глазах я подорвалась с места и подлетела к сотовому. Я понимала, что, даже если выключу его, ничего не закончится. Мне позвонят вновь. И это продолжится, пока я не отвечу. А я не хотела слушать этот придурка, возомнившего себя невесть кем.

Я не собиралась плясать под его дудку. Не желала слышать этот мерзкий с хрипотцой голос, усмешку в словах. Поэтому единственным решением, пришедшим в мою больную голову, было выбросить чертову мобилу в окно. И когда открыла створку, а меня обдало холодным, почти как зимой, воздухом, телефон запиликал, оповещая о новом сообщении. Не знаю, почему решила прочесть его. Но вместо текста там была фотография... моей мамы. Она шла меж торговых прилавков на рынке, видимо, выбирая овощи для очередного блюда, которое, кроме нее, никто есть не будет.

Я тут же набрала номер мамы. Кажется, в момент, когда слышала длинные гудки, сердце ушло в пятки. Даже не ощущалось, как оно бьется.

Ну же, возьми трубку, мама! Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Особенно из-за меня. Возьми трубку, прошу.

– Да, родная, – послышался звонкий голосок.

– Мама! – Я воскликнула, будто ожила. – Ты где сейчас?

– На рынке. Пришла кое-что прикупить для овощного рагу. Приходи в гости, попробуешь.

– Иди домой прямо сейчас. Я прошу тебя. Просто оставь планы на рагу на потом и иди домой.

– Что-то случилось? Ты какая-то взволнованная.

Стоит ли говорить, что сейчас за ней следит преследующий меня маньяк? Есть ли необходимость в том, чтобы пугать маму, заставляя беспокоиться? Вдруг я не должна рассказывать ничего, что происходит, и одно мое слово может нанести маме непоправимый вред...

– Я... Я слышала, что сегодня обещают первую в году метель. У тебя слабый иммунитет. Если окажешься на улице при непогоде, можешь сильно заболеть. Я сама схожу завтра за продуктами и принесу их тебе. Хорошо?

– Что за дела... Я уже на рынке, дорогая. Все будет хорошо. – Затем добавила куда-то вдаль: – Да, килограмм, пожалуйста. И еще взвесьте несколько морковок.

– Мама! – В моем голосе звучало отчаяние. Она совсем не слушала меня! – Я прошу тебя...

– Не переживай, я уже закончила и сейчас пойду домой.

Приходи завтра в гости на обед. Люблю тебя.

И не дожидаясь моего ответа, отключила вызов.

Черт! Черт! Черт...

Что, если он что-то сделает с ней? Навредит или еще что... Что мне делать?

Но ответ не заставил себя долго ждать. Заиграла музыка, а на экране высветился ненавистный мне номер.

– Не трогай ее! – закричала в трубку я. – Не смей к ней и пальцем прикоснуться!

– Она очень красивая. Так вот, в кого ты пошла. Такая стройная, грациозная. Она даже на обычном рынке выглядит так, словно ей здесь не место. Не знай я, какое в твоей семье материальное положение, решил бы, что твоя мама ошиблась местом.

– Я сказала: не тронь мою мать. – Это я произнесла спокойнее, хотя вложила в слова весь свой гнев, что пылал внутри, обжигая легкие.

– Пока не планирую. Это предупреждение. Я всегда слежу за тобой и остатками твоей семьи. И если что-то будет не так, как я хочу, твоя сказка кончится, а ты останешься в полном одиночестве. Не думай, что получится выкрутиться. Я узнаю, если ты сообщишь своим в полицию о происходящем. Увижу, если ты пойдешь туда. И почувствую, если ты даже подумаешь о чем-то, что мне не понравится.

– Что я должна сделать, чтобы все это закончилось?

– Я хочу увидеть тебя. Увидеть все. Пришли фото. Фото интимного характера меня устроят.

– Да ты... ты больной. Нормальный человек никогда не попросит о таком, – севшим голосом произнесла я.

– А никто и не говорил, что я здоров. Знаешь, судьба заставила меня стать чуток сумасшедшим. И это куда веселее, чем вести такой же однообразный образ жизни, как у тебя. И перестань задавать вопросы, милая. Это ужасно злит. А когда я зол, могу натворить дел. Вспомни, что тебе есть что терять.

Я в полной жопе.

Глава 5

Неизвестно, сколько мне дали времени, но я оттягивала момент, когда мне все-таки придется сделать фотографии. Каждый день ездила к маме, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. На всякий случай обыскала ее и свою квартиры на предмет скрытых камер или прослушки. Даже отнесла свой телефон в сервис. Но ничего странного не обнаружила. Мне сказали, что программу прослушки в мобильном можно скрыть так, что ее никто не найдет, но, вероятнее всего, мне ее просто не устанавливали.

Как отвертеться от поручения психа, я не подозревала. Ясно одно – что я должна это сделать. Но я не имела опыта в подобных вещах, да и в целом показывать свое тело невесть кому не горела желанием. Плюнуть на все меня останавливала лишь мысль о потере единственного дорогого мне человека. Я несколько раз брала в руки телефон, чтобы позвонить Косте и выложить все как на духу, но передумывала в последний момент.

Псих не объявлялся – не звонил, не писал. Будто он наигрался, довел меня до точки кипения и смылся, найдя новую жертву. Может, я даже не единственная, над кем он издевается.

Можно было бы решить, что все закончилось и он не объ-

явится. И что на самом деле все это – огромный розыгрыш. Что кто-то очень неудачно поиздевался надо мной. И осознав, что не получит от меня ни единого фото, оставил в покое. Можно было бы... Если бы не тот факт, что кто-то проник в мою квартиру, а также знал подробности моей жизни, которые никому не известны.

Я точно уверена, что это не Андрей – голос другой, и он не изменен программой. Да и манера говорить у психа совершенно иная. Значит, ошибки быть не может. И все происходящее – не игра вовсе. По крайней мере для меня.

Наверное, прошла неделя с тех пор, как я в последний раз говорила с придурком. Я даже успела немного прийти в себя. Закончила работать над документами, что лежали дома, и отправила их шефу. Он еще раз повторил, чтобы я отдыхала и не донимала коллег. Видимо, ему известно, что я звонила Косте.

Ближе к выходным дома стало совсем одиноко. Я даже пожалела, что рядом нет сильного плеча. Я смогла бы спрятаться за широкой спиной, которая защитила бы меня от бед. Поэтому решила, что надо исполнить свое обещание, и позвонила Косте, чтобы пригласить того в бар. Выпить мне тоже хотелось, а дома я боялась это сделать. Пусть я и проверила квартиру, не была полностью уверена в том, что что-то упустила. За мной все еще могли наблюдать.

В субботу вечером я открыла шкаф. Как же плохо, что я не подумала о том, чтобы купить себе какое-нибудь вечер-

нее платье! Как назло, на плечиках висели лишь юбка, летнее платьице, которое совершенно не подходит для похода в бар, да брюки. Натянув на себя черную майку, решила надеть юбку. Будет казаться, словно это платье такое. На ноги обула сапоги на невысоком каблуке, волосы убрала наверх, оставив по бокам пару волнистых прядей. На лицо нанесла тональный крем, чтобы скрыть мешки под глазами, что жили там уже какое-то время из-за недосыпа. Накрасила ресницы и губы. Внешне даже ожила, чего не сказать о моем внутреннем мире. Будто и не было этих бессонных ночей, стресса и переживаний. С грустью заметила, что похудела и юбка стала мне большевата с тех пор, как купила ее, хотя прошло всего-то несколько недель.

Вызвала такси и спустилась во двор. Сейчас я была готова находиться где угодно. Через пять минут автомобиль с желтыми шашечками на крыше остановился около меня. Села, назвала адрес, и мы тронулись. Телефон я специально оставила дома, чтобы не тревожил меня. А обратно собиралась вызывать машину из бара. Ну или Костю попросить – там как получится.

Приехала даже чуть раньше назначенного времени. Вошла в просторный бар и выбрала местечко в углу. Села в небольшое кожаное кресло у маленького круглого столика. Таких здесь имелось немного – основная часть посетителей предпочитала торчать у длинной барной стойки, где перед лицами мельтешили два бармена, разливая коктейли.

Немного левее от столиков располагался рояль. Интересно, играет ли на нем кто-нибудь? Я вспомнила, что когда-то играла на фортепиано, но уже, наверное, забыла, как извлекать из инструмента чарующие звуки.

В классе девятом я занималась в музыкальном зале в школе. Я сидела там в полном одиночестве после уроков, когда другие ученики уходили домой, чтобы скорее отправиться на прогулку с друзьями. А так как я таковых не имела, предпочитала проводить время с музыкой. Мои пальцы плыли по клавишам. Кажется, в тот день, когда меня впервые потревожили, я играла Лунную Сонату, что так любила. Я была где-то на середине, когда почувствовала пристальный взгляд, прожигающий спину.

Я не слышала, чтобы кто-то заходил внутрь. Возможно, очень увлеклась игрой. Отвлекаться не хотелось, но меня нервировало, что кто-то мог наблюдать за мной. Становилось не по себе. Я даже пропустила пару нот, после чего замерла и опустила руки. Обернулась, но позади никого не было. Лишь качнулась дверь. Мой невидимый зритель покинул меня, когда понял, что я могу увидеть его.

Это повторялось еще несколько раз, но я так и не узнала, кто наблюдал за мной.

В старшей школе я уже не играла. То ли вдохновение пропало, то ли я слишком увлеклась новыми знакомствами. У меня же и мальчик тогда появился первый. Женя даже высмеял мое хобби, когда я однажды рассказала ему. Может,

это и стало отправной точкой.

В баре было очень светло. Множество небольших ламп висело прямо над стойкой из красного дерева. Также все полки с алкоголем освещались. На потолке сверкала хрустальная люстра, где каждая деталь переливалась разными цветами. Под ногами лежал темно-синий с бордовыми розами, вышитыми на нем, ковер. Я даже подумала о том, что после посетителей его наверняка сложно чистить.

Мои размышления прервал Костя, опустившийся в кресло напротив, и загородил мне часть обзора.

– Выглядишь лучше, – без приветствий заявил он. – Сходила к врачу?

– Нет. Наверное, я просто очень устала.

– Сейчас с тобой все хорошо? – Он подался вперед, положив ладонь на стол, и потянулся к моей руке. Я поняла, что он хочет сделать, поэтому по-детски спрятала руки под стол.

Подумав, прежде чем ответить, решила, что Косте не стоит знать о том, что происходит. Так я избежу последствий. Не факт, что и сейчас за мной не ведется слежка. Все может быть. В заведении много людей. Я не знаю, как выглядит тот псих, поэтому он может находиться среди гостей.

– Более чем. Уже скоро я полностью приду в себя и вернусь. Как справляется Шурик?

– Неплохо. Ты бы все сделала лучше, но, сама понимаешь, почему шеф решил поступить именно так. Не жалеешь, что упустила должность?

– Уже нет. Сначала обидно было, а теперь как-то по боку. Главное, что без работы не осталась. – Не буду же говорить, что с головой ушла в страхи и переживания.

– Слушай, тут такое дело. Знай, что ты можешь на меня рассчитывать и рассказать что угодно, но больше не проси меня пользоваться своими полномочиями. Я понимаю, что мы коллеги и друзья, но ты ставишь меня под удар. Шеф уволит меня, если я буду носиться с поручениями, которые не относятся к работе.

– Я это уже поняла. Не переживай. Я позвала тебя не для этого. Давай просто выпьем и поболтаем. Не ты ли горел желанием? Или передумал? – Я показательно схватилась за пальто и приподнялась с кресла, но Костя опередил меня, подорвавшись на ноги и схватив меня за запястье.

– Нет-нет, что ты. Просто не ожидал, что ты и правда решила развеяться.

– Если бы я хотела чего-то другого, потащила бы тебя туда, где не играет музыка и не галдят выпившие люди. – Я указала на барную стойку, где человек десять точно сидели.

Наш диалог прервал официант, который поинтересовался, что мы будем пить. В меню также имелись блюда и закуски. Я выбрала фруктовую нарезку и несколько коктейлей. Костя же попросил принести ему виски со льдом и лимоном. Ох, мужчины. Сладенькое не пьют, все покрепче им подавай.

– Андрей звонил? – чуть позже поинтересовался Костя. Он сделал это осторожно, боясь ранить, но я все равно отве-

тила ему:

– Нет. Да и пошел он. Столько гадостей наговорил. Никак не ожидала такое от некогда любимого человека услышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.